

III.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

БИБЛІОГРАФІЯ.

Военныя силы сѣверо-американскихъ штатовъ. Война за нераздѣльность союза 1861—1865 гг.—Русскіе уголовные процессы.—Хроника Генриха Латыша.—Задумайскіе и адриатическіе славяне.—A l'armée française en 1867.—Geschichte der alten Russischen Heeres-Einrichtungen.—Библиографическое извѣстіе.

Военныя силы Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Война за нераздѣльность союза 1861 — 1865. Соч. Руссальона, профессора административной и военной законодательствъ во французской импикаціонной школѣ генеральнаго штаба. Переводъ съ замѣчаніями Станкевича и Витмера. Издано при содѣйствіи военно-учебнаго комитета главнаго штаба.

I.

Совершенно особыя условія, при которыхъ велась послѣдняя американская война, обширность и разнообразіе театра дѣйствій, свойство находящихся на немъ путей сообщенія, почти поголовное участіе въ ней всего населенія людьми и щедрыми денежными вкладами, наконецъ громадность бьющихся армій и первое примѣненіе многихъ новѣйшихъ научныхъ свѣдѣній къ военному дѣлу придаютъ борьбѣ этой яркое выдающееся значеніе. Внимательное изученіе ея становится обязательнымъ не только для спеціалиста, но и вообще для каждаго образованнаго человѣка, интересующагося ходомъ міроваго прогреса и цивилизаціи.

Не нужно однакожь забывать, что такія событія, какъ американская война, могутъ быть всесторонне изслѣдованы лишь усиленными трудами многихъ лицъ, и притомъ спустя многіе годы времени, когда подавляющая ожесточенной борьбой страсти утихнутъ на столько, что явится возможность говорить о совершившихся фактахъ съ полною правдою и безпристрастіемъ, не боясь раздражить ничьихъ ранъ, ничего самолюбія.

Нельзя не согласиться съ справедливостью той мысли, что

европейскимъ писателямъ скорѣе, быть можетъ, удастся оцѣнить по заслугамъ дѣятелей американской борьбы и представить событія въ истинномъ свѣтѣ. По крайней мѣрѣ, сколько можно судить по вышедшимъ доселѣ сочиненіямъ объ этой войнѣ, западно-европейская литература отнеслась по многимъ ея сторонамъ съ полною безпристрастностію. Но, повторяемъ, матеріалы борьбы этой такъ обильны и многосторонни, что, по всей вѣроятности, долго еще придется ждать появленія въ печати подробной ея исторіи. До той же поры намъ остается пока довольствоваться монографіями, разъясняющими ту или другую сторону замѣчательной войны.

Между прочимъ, къ такого рода сочиненіямъ относится книга, заглавіе которой приведено выше. По нашему мнѣнію, добросовѣстно собранныя въ ней обильныя свѣдѣнія во многихъ отношеніяхъ могутъ послужить какъ бы дополненіемъ къ тѣмъ очеркамъ сѣверо-американской войны, которые помѣщены были въ прошломъ году на страницахъ нашего журнала. Поэтому мы считаемъ не лишнимъ дать возможно полный отчетъ о книгѣ г. Руссильона.

Представляя обильный сборникъ политическихъ, статистическихъ и чисто-военныхъ данныхъ, трудъ г. Руссильона наглядно знакомить, во-первыхъ, съ насущнымъ значеніемъ для военнаго дѣла такихъ техническихъ нововведеній, какъ желѣзныя дороги, паровой флотъ, телеграфы, фотографія и проч., и во-вторыхъ, что важнѣе всего, осязательно показываетъ на сколько возникшая, въ послѣднее время, заманчивая идея о замѣнѣ постоянныхъ армій народною милиціею можетъ быть примѣнима къ европейскимъ государствамъ.

Предоставляя себѣ поговорить обо всемъ этомъ въ одномъ изъ слѣдующихъ нумеровъ „Военнаго Сборника“, въ настоящей статьѣ мы займемся преимущественно другою, не менѣе характеристическою стороною книги г. Руссильона. Говоримъ о попыткѣ автора представить очеркъ американской войны съ административной точки зрѣнія. Попытка эта, одинъ изъ первыхъ опытовъ, не можетъ не имѣть существенной важности, если припомнить, что до сихъ поръ большинство военно-историческихъ писателей въ своихъ трудахъ исключительно почти довольствовались изслѣдованіями стратегическихъ и тактическихъ комбинацій военнаго дѣла, оставляя въ сторонѣ повседневную, насущную жизнь армій. Между тѣмъ, трудно не согласиться,

что отъ правильнаго и рациональнаго хода вседневной жизни войскъ въ значительной степени зависитъ и успѣхъ и неудача ихъ на полѣ битвы. Точныя и быстрыя административныя распоряженія, обильно заготовленные запасы, разумныя гигиеническія мѣры и широкія, гуманныя заботы о больныхъ и раненыхъ гораздо чаще даютъ въ руки побѣду, чѣмъ самая беззапятная храбрость и стойкое мужество воиновъ.

Въ этой-то вседневной жизни солдатъ, въ ихъ матеріальномъ благосостояніи, зачастую кроются причины успѣховъ или неудачъ самыхъ смѣлыхъ стратегическихъ соображеній, самыхъ искусныхъ тактическихъ маневровъ.

Задавшись совершенно справедливою мыслію, что всѣ эти обстоятельства, о которыхъ мы сейчасъ сказали, могутъ быть лучше всего оцѣнены въ приложеніи къ опыту войны, г. Руссильонъ посвящаетъ четвертую часть своего труда краткому очерку замѣчательнѣйшихъ кампаній, преимущественно оставиваясь на разъясненія тѣхъ административныхъ распоряженій американскаго правительства, которыя имѣли непосредственное вліяніе на успѣшное или неудачное исполненіе тѣхъ или другихъ военныхъ соображеній.

Въ этомъ отношеніи, въ книгѣ г. Руссильона разобраны слѣдующія четыре кампаніи:

1) Походъ Макъ-Клелана въ Виргинію, въ 1862 году; 2) Гранта—въ долину Миссиссипи, въ 1862 и 1863 г. 3) Шермана—въ Георгію, въ 1864 г. и 4) Гранта же—въ Виргинію, въ 1864 и 1865 г.

Впослѣдствіи мы поговоримъ болѣе подробно о первой и третьей изъ нихъ; здѣсь же считаемъ нелишнимъ, для полноты и ясности нашего очерка, сказать нѣсколько словъ объ общихъ свойствахъ сѣверо-американской территоріи.

Такой очеркъ необходимъ еще и потому, что онъ можетъ послужить какъ бы объясненіемъ прилагаемой къ настоящему номеру карты сѣверо-американской войны (*).

Обиліе и разнообразіе естественныхъ богатствъ территоріи Сѣверо-Американскихъ Штатовъ извѣстны. Въ нѣдрахъ ея залегаютъ неисчерпаемыя богатства каменнаго угля, петроля и всевозможныхъ металловъ.

(*) Карта эта можетъ служить при чтеніи и другихъ статей объ „Американской войнѣ“, помѣщенныхъ въ „Военномъ Сборникѣ“ за прошлые годы.

Поверхность страны съ двухъ сторонъ омывается океанами и изрѣзывается самыми обширными озерами и величайшими рѣками въ мірѣ. Почва ея, плодородная по природѣ, покрыта несмѣтнымъ богатствомъ лѣсовъ, доставляющихъ въ изобиліи отборный строевой матеріалъ, или остается въ видѣ безграничныхъ луговъ, могущихъ прокормить неисчислимые стада. Вездѣ плодоносная, она ждетъ только рукъ земледѣльца, чтобы въ теченіе многихъ лѣтъ, безъ всякаго удобренія, приносить ему обильныя жатвы. Но несмотря на ежегодный правильный приливъ сюда громаднаго числа всесвѣтныхъ эмигрантовъ, несмотря на непримѣрное естественное приращеніе населенія, многія еще безпредѣльныя пространства земли остаются здѣсь незаселенными и представляютъ пустынные, дѣвственныя степи.

Вынужденные бороться съ затрудненіями, которыя представляли для торговыхъ сношеній громадныя разстоянія, американцы преодолѣли ихъ, покрывъ свою страну превосходною системою быстрыхъ сообщений. Въ настоящее время, въ Соединенныхъ Штатахъ желѣзныхъ дорогъ болѣе чѣмъ обыкновенныхъ, грунтовыхъ; первыхъ считаютъ около 40 тысячъ километровъ. Ими соединены всѣ главнѣйшіе коммерческіе центры, каковы: Нью-Йоркъ, Бостонъ, Филадельфія, С. Луи, Новый Орлеанъ и проч.

Большія озера сѣвера, образующія какъ бы внутреннія моря, безчисленныя рѣки, несущія въ нихъ свои воды, бороздятся пароходами и парусными судами всякаго рода, такъ что громадное судоходство повсюду связывается съ желѣзными путями и составляетъ такимъ образомъ, по внутреннимъ водамъ и двумъ океанамъ, продолженіе большихъ торговыхъ путей.

Телеграфическія линіи, сухопутныя и подводныя, повсюду сопровождаютъ рельсовые пути. Но съ другой стороны, вслѣдствіе того, что быстрыя сообщенія лучше отвѣчали требованіямъ торговли, чѣмъ обыкновенныя дороги, послѣднія въ Соединенныхъ Штатахъ очень немногочисленны и дурно содержатся. Такое громадное развитіе паровыхъ путей и отсутствіе или дурное состояніе проселочныхъ дорогъ, среди дѣвственныхъ лѣсовъ, безчисленныхъ болотъ, рѣкъ и ручьевъ, не могло рѣзко не отразиться на самомъ характерѣ войны. Въ то время какъ стратегическія передвиженія, на большія разстоянія, съ помощью пара производились съ необыкновенною бы-

стротою, по желѣзнымъ дорогамъ и рѣкамъ, какъ коммуникаціоннымъ путямъ, тактическіе марши, въ виду непріятеля, совершались съ необыкновенною медленностью, въ особенности если непріятель при отступленіи: портягъ и безъ того дурныя дороги, устранявалъ въ лѣсахъ засѣки и вообще пользовался всѣми средствами для затрудненія марша наступающаго противника. Кампанія Магъ-Клелана въ Виргиніи, маршъ Шермана, особенно во вторую его половину отъ Атланты до Саванны и другіе факты служатъ тому, какъ увидимъ далѣе, рельефнымъ доказательствомъ.

Наконецъ, пограничныя океаны и великія сѣверныя озера, способствуя сношеніямъ съ другими частями свѣта и рабочаго сообщенію внутри страны, въ то же время представляютъ превосходныя оборонительныя линіи въ военномъ отношеніи.

Такова, въ общихъ чертахъ, фізіономія страны, которая, однакожъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи, начиная съ востока, представляетъ слѣдующія характеристическія группы:

1) Атлантическій склонъ, страна низкая, покрытая могучею лѣсною растительностію, разрѣзанная многочисленными водными потоками, большею частію судоходными.

2) Страна Аллегановъ, возвышенная плоскость, съ среднею шириною въ 200 верстъ, отдѣляетъ предъидущую часть отъ бассейна Миссиссипи; богатая металлами, она состоитъ изъ многихъ короткихъ параллельныхъ цѣпей; самая восточная изъ нихъ, такъ называемыя Синія Горы, образуя высокій правый берегъ Шенандойской долины, играла важную роль во время войны.

3) Бассейнъ Миссисипи, самый обширный въ свѣтѣ, простирающійся по плодородной почвѣ и необъятнымъ лугамъ отъ Кумберлендскихъ до Скалистыхъ горъ.

Эти-то мѣстности и служили главными театрами междоусобной войны, на которую и постараемся взглянуть съ административной точки зрѣнія, на сколько то позволяетъ сочиненіе г. Руссильона.

Для этого прежде всего припомнимъ, что президентъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ есть въ то же время и главнокомандующій арміи и флота. Ему принадлежитъ власть назначенія и отрѣшенія отъ должностей.

Военный секретарь (министръ), избираемый президентомъ и утверждаемый конгрессомъ, управляетъ всѣмъ военнымъ вѣдомствомъ. По словамъ г. Руссильона, официальные документы

показываютъ, что президентъ Линкольнъ часто злоупотреблялъ центральною своею властію. Такъ, между прочимъ, въ 1861 г. онъ даетъ приказаніе генералу Макъ-Дуэлю атаковать Буль-Ронскую долину: генералъ повинуется и терпитъ пораженіе. Въ 1862 г. президентъ оспариваетъ планы кампаніи генерала Макъ-Клелена, затрудняетъ его безпрестанно, предписываетъ исполненіе извѣстныхъ дѣйствій въ опредѣленный срокъ, отнимаетъ у него вдругъ значительныя части войскъ и, наконецъ, 2-го ноября 1862 г., внезапно лишаетъ его начальства надъ войсками. Назначенный на его мѣсто Борнсайдъ атакуетъ съ фронта укрѣпленную Фредериксбургскую позицію, но отбитъ съ большими потерями. Двое подчиненныхъ ему генераловъ отправляются въ Уашигтонъ, доносятъ на своего начальника президенту, который, безъ вѣдома военнаго секретаря и тогдашняго главнокомандующаго Галлека, останавливаетъ начатое Борнсайдомъ движеніе. Послѣдній оставляетъ армию, чтобъ лично объясниться съ президентомъ; но, въ свою очередь, и онъ отрѣшенъ отъ начальства и замѣненъ генераломъ Гукеромъ.

Вообще, образъ дѣйствія правительства Линкольна, въ отношеніи командующихъ войсками, отличался мелочностію, недовѣріемъ, даже суетливостію и стѣсненіемъ ихъ инициативы.

Правительство Юга, находившееся въ рукахъ замѣчательнаго генерала Джеферсона Дэвиса, заслуживаетъ меньшаго упрека въ этомъ отношеніи. Президентъ выбралъ большую часть генераловъ изъ прежнихъ своихъ товарищей по вестъ-пойнтской военной школѣ. Прежняя ихъ служба и доказанныя военныя способности облегчали выборъ правительства, которое переносило превратности войны съ большимъ терпѣніемъ и постоянствомъ, нежели правительство Сѣвера.

Выше было уже нами замѣчено, что изъ четырехъ кампаній, разобранныхъ г. Руссильономъ, болѣе другихъ заслуживаютъ вниманія походы Макъ-Клелена въ Виргинію и Шермана въ Георгію. Первая изъ нихъ замѣчательна примѣненіемъ въ огромныхъ размѣрахъ амбаркаціи и дебаркаціи войскъ; вторая можетъ служить примѣромъ современнаго значенія желѣзныхъ дорогъ на театрѣ войны. Нужно однако замѣтить, что очерки этихъ кампаній довольно общи и поверхностны. Въ книгѣ г. Руссильона вовсе нѣтъ данныхъ ни о числѣ транспортных судовъ, ни о количествѣ подвижнаго состава той или другой желѣзной дороги, по которымъ перевозились войска, ни о той

скорости, съ какою войска перевозились, садялись и высаживались. Ничего также не говоритъ онъ о подробностяхъ хозяйственнаго устройства базы по желѣзнымъ дорогамъ и проч.

Вообще, сгруппировавъ все хозяйственныя данныя въ первой части своего труда, г. Руссильонъ въ очеркахъ войны говоритъ о нихъ лишь въ общихъ чертахъ, занимаясь по преимуществу стратегическимъ разборомъ кампаній. Справедливость требуетъ однако сказать, что автору трудно было не отдать должнаго вниманія стратегическимъ комбинаціямъ, составляющимъ характеристическую сторону американской войны. Высшее образованіе большинства американскихъ генераловъ и недостаточная подготовка солдатъ естественно должны были выдвинуть на первый планъ стратегическія соображенія. И дѣйствительно: по своей глубинѣ, вѣрности и смѣлости, соображенія эти заслуживаютъ полнаго вниманія и тщательнаго изученія.

Извѣстно, что первоначально правительству Сѣвера было представлено нѣсколько плановъ военныхъ дѣйствій, которые и были сведены въ слѣдующій окончательный планъ:

1) Строго блокировать все порты Юга и противиться всякой помощи, которую могло получить изъ Европы конфедеративное правительство.

2) Быстро овладѣть теченіемъ Миссисипи и тѣмъ раздѣлить возставшіе штаты на двѣ части.

3) На первыхъ же порахъ возстанія овладѣть Ричмондомъ, какъ средоточіемъ мятежныхъ штатовъ, для чего противъ него и были открыты наступательныя дѣйствія по двумъ концентрическимъ направленіямъ: съ сѣвера — потомакскою арміею, съ юга — западною. Операционной базой для первой должны были служить: Вашингтонъ, Филадельфія, Нью-Йоркъ и Востонъ, при посредствѣ громаднаго транспортнаго флота.

Западная же армія, имѣя основаніемъ дѣйствій города Нэшвилль и Чаттанугу, должна была направиться къ морскому прибрежью, овладѣть приморскими пунктами, съ желѣзными дорогами, соединяющими Ричмондъ съ штатами Алабамой, Георгіей и обѣими Каролинами, и тѣмъ лишить конфедератовъ всякой помощи съ юга.

Посмотримъ теперь, какимъ образомъ былъ выполненъ этотъ планъ сѣвernoю и западною арміями федералистовъ.

Кампанія сѣверной арміи (потомакской) въ Виржинію, 1862 года.

Какъ извѣстно, открывшіяся въ 1861 году военныя дѣйствія кончились несчастнымъ пораженіемъ сѣверянъ на ручьѣ Буль-Ронѣ. Чтобы сколько-нибудь поднять упавшій духъ федералистовъ, главнокомандующимъ былъ назначенъ молодой генералъ Макъ-Клеланъ. Всеобщее высокое мнѣніе о его военныхъ талантахъ и опытности могло служить вѣрнымъ ручательствомъ, что дѣйствія примутъ быстрый и рѣшительный характеръ. Дѣйствительно, Макъ-Клеланъ тотчасъ же съ энергіею сталъ готовиться къ осуществленію наступательныхъ дѣйствій потомакской арміи къ Ричмонду. Пользуясь шестимѣсячнымъ бездѣйствіемъ южанъ, послѣ буль-ронскаго сраженія, Макъ-Клеланъ вполнѣ успѣлъ приготовить какъ войска, такъ и всѣ необходимыя средства къ приведенію въ дѣйствіе задуманнаго имъ похода въ Виржинію. Къ началу кампаніи, около Вашингтона, у него было собрано уже болѣе чѣмъ 200,000 достаточно обученныхъ войскъ, которыя, по его настоянію, были организованы въ корпуса, дивизіи и бригады, по образцу французской арміи, съ которою онъ имѣлъ случай близко ознакомиться во время крымской войны (*).

Располагая въ то же время значительнымъ военнымъ и транспортнымъ флотомъ, Макъ-Клеланъ могъ направиться двумя путями къ Ричмонду. Для исполненія этого предпріятія арміи его предстояло: или, перейдя на правый берегъ Потомака, двинуться прямо чрезъ Виржинію, или же предварительно быть посаженою на суда, и, поднявшись водою, высадиться въ окрестностяхъ Ричмонда и уже потомъ начать военныя дѣйствія. При выполненіи перваго плана федералисты должны были встрѣтиться съ весьма серьезными затрудненіями. Начиная съ того, что неприятель, въ числѣ 100,000 челов., сильно занималъ правый берегъ Потомака въ укрѣпленной позиціи и, слѣдовательно, здѣсь каждый шагъ пришлось бы оспаривать силою оружія.

Притомъ конфедераты, владѣя двумя желѣзными дорогами, ведущими къ Ричмонду, имѣли возможность быстро уменьшить и увеличить число своихъ войскъ, что крайне затруднило бы федералистовъ въ оцѣнкѣ силъ ихъ противниковъ. Случалось, что во время наводненій и дурнаго состоянія дорогъ, армія южанъ быстро уменьшалась, но какъ только съ наступленіемъ

(*) Корпуса федеральной арміи состояли изъ двухъ или трехъ дивизій, дивизіи изъ двухъ или трехъ бригадъ, бригада изъ четырехъ однобаталіонныхъ полковъ.

хорошей погоды можно было рассчитывать на дѣятельность непріятеля — она быстро возрастала до 100,000-го состава. Далѣе: почва въ Виргиніи до того глиниста, что малѣйшіе дожди, весьма частые здѣсь зимою и весною, обращаютъ ее въ столь извѣстную „виргинскую грязь“, отъ которой многочисленныя земляныя дороги, до конца іюня, остаются почти непроходимыми. На желѣзныя же дороги, о которыхъ мы сказали выше, рассчитывать было нельзя: непріятель, отступая, могъ легко ихъ уничтожить, и возобновленіе ихъ потребовало бы большихъ усилій и времени. Ко всему этому, зимовка конфедеративныхъ войскъ крайне уже истощила страну, долженствовавшую служить театромъ войны.

Всѣ эти затрудненія и заставили Макъ-Клелана отказаться отъ перваго плана, и привести въ исполненіе задуманную имъ высадку въ окрестностяхъ Ричмонда.

Для этого, поручивъ 100.000-му отряду, оставленному у Уашигтона, отвлекать вниманіе непріятельской арміи, Макъ-Клеланъ рѣшился остальные свои войска посадить на суда въ Александріи, спуститься по Чизапикскому заливу, подняться по рѣкѣ Джемсу и внезапно появиться въ окрестностяхъ Ричмонда.

Въ продолженіе этихъ дѣйствій, армія, пользуясь флотомъ, находилась бы въ постоянныхъ сношеніяхъ со своими огромными береговыми магазинами, которые, въ свою очередь, посредствомъ желѣзныхъ путей, сообщались со всѣми городами сѣвера до самыхъ большихъ озеръ.

Итакъ, планъ Макъ-Клелана былъ задуманъ хорошо, но въ исполненіи его предстояли большія трудности. Нужно было съ одной стороны совладать съ такими сложными операціями, какъ посадка и высадка съ судовъ значительной арміи; съ другой стороны требовались точность и быстрота административныхъ распоряженій; наконецъ, необходимо было задуманное предпріятіе сохранить въ тайнѣ. Къ сожалѣнію, ни одно изъ двухъ послѣднихъ условій не было исполнено, и прекрасно начертанный планъ, какъ увидимъ, не удался.

Съ перваго же приступа къ экспедиціи Макъ-Клелану пришлось встрѣтиться со всѣми неудобствами республиканскаго самоуправленія, при веденіи военныхъ операцій.

Макъ-Клелану приходилось не только отстаивать всѣ свои распоряженія передъ правительствомъ Линкольна, но и обсуждать ихъ гласно въ военномъ совѣтѣ, среди своихъ частныхъ

начальниковъ. Конечно, при такихъ условіяхъ сохранить въ тайнѣ готовящееся предпріятіе было невозможно. И дѣйствительно, нѣсколько дней спустя послѣ военнаго совѣта, южане, внезапно очистивъ занимаемыя ими позиціи въ виду Вашингтона, начали отступать къ Ричмонду, взрывая за собою мосты и портя дороги. Какъ говорятъ, отступление это начато было вслѣдствіе донесенія шпіона-женщины, добывшей тайну военнаго совѣта во время интимнаго разговора въ спальнѣ.

Мы уже замѣтили, что правительство конгресса безпрестанно вмѣшивалось въ военныя распоряженія и чаще затрудняло, чѣмъ способствовало успѣшному ихъ выполненію. Такъ, вмѣсто того, чтобы одновременно собрать необходимое число транспортныхъ судовъ для посадки на нихъ въ Александріи 50,000 войскъ, правительство медлитъ своими распоряженіями, суда приходятъ по частямъ, вслѣдствіе чего перевозка войскъ къ устью рѣки Джемса длится двѣ недѣли. Далѣе, изъ первоначально предназначенныхъ для экспедиціи 120,000 войскъ, составлявшихъ 11 дивизій, сперва было удержано три дивизіи, а потомъ еще оставлено 35,000 человекъ для другихъ назначеній, вовсе не предупредивъ о томъ Макъ-Клелана. Наконецъ, безъ всякой видимой причины, его лишаютъ главнаго командованія надъ сѣверною арміею, оставивъ въ его распоряженіи только войска экспедиціонной арміи. Замѣчательно, что о послѣднемъ распоряженіи Макъ-Клеланъ узналъ не официально, а изъ газетъ.

Само собою разумѣется, что, при такомъ ходѣ дѣлъ, нечего было и думать объ успѣхѣ задуманной экспедиціи, цѣль которой заключалась въ внезапномъ захватѣ Ричмонда.

Пользуясь медленностію перевозки федеральныхъ войскъ къ устью рѣки Джемса, южане успѣли принять всѣ мѣры къ защитѣ своей столицы. Между тѣмъ Макъ-Клеланъ, ослабленный въ своихъ силахъ, вслѣдствіе произвольнаго удержанія Линкольномъ почти одной трети его войскъ въ Вашингтонѣ, долженъ былъ встрѣтить серьезное затрудненіе съ первыхъ же шаговъ высадки.

Остановленный у входа въ рѣку Джемсъ блистательнымъ дѣйствіемъ непріятельскаго броненосца „Меримакъ“. Макъ-Клеланъ отказывается отъ продолженія экспедиціи на судахъ вверхъ по Джемсу, переходить на сушу и открываетъ военныя дѣйствія въ странѣ, вовсе неизвѣстной сѣверянамъ.

Итакъ, вмѣсто успѣха и победы, которые имѣли бы самыми блистательными послѣдствіями для сѣверянъ, армія ихъ на первыхъ же порахъ должна была отказаться отъ исполненія первоначальнаго плана и, вмѣсто легкаго и удобнаго дѣйствія, перейти въ крайне неудобную мѣстность Юркъ-тоунскаго полуострова, между рѣками Юркомъ и Джемсомъ. Въ этой-то малонаселенной, покрытой густыми лѣсами и непроходимыми болотами странѣ армія Макъ-Клелана приходилось бороться съ такими трудностями, преодолѣть которыя могла только ни предъ чѣмъ не останавливающаяся энергія находчиваго янки.

Между прочимъ, въ книгѣ г. Руссильона вотъ что сказано о первыхъ дѣйствіяхъ федеральной арміи.

„Войска, слѣдуя отъ этапа къ этапу, подвигались такимъ образомъ вдоль берега рѣки. Канониры, открывавшія шествіе, издали осматривали берега. Потомъ офицеры-топографы, подаваясь черезъ лѣсъ подъ прикрытіемъ кавалерійскихъ пикетовъ, производили рекогносцировки и составляли на глазъ, или съ помощію бусоли, временныя карты, которыя на другой же день фотографировались въ главной квартирѣ и разсылались генераламъ для руководства.

„Войска подвигались впередъ побригадно, сопровождаемыя багажемъ и длинными линіями повозокъ, запряженныхъ каждыя по четыре лошади или по шести муловъ, при одномъ погонщикѣ; вслѣдствіе этого армія занимала громадныя пространства.

„Вечеромъ, по приходѣ на ночлегъ, устраивался лагерь въ большомъ порядкѣ и весьма правильно: походные шатры разбивались мгновенно; главная квартира располагалась въ центрѣ; палатка главнокомандующаго разбивалась между двумя параллельными рядами штабныхъ палатокъ. Кавалерійскіе офицеры являлись съ донесеніями о результатѣ своихъ рекогносцировокъ и безчисленныхъ стычекъ съ непріятелемъ. Всѣ відомства устраивались и начинали дѣйствовать, а топографія работала такъ же правильно, какъ будто бы она была въ Вашингтонѣ.

„Тотчасъ же по устройствѣ лагера цѣлый лѣсъ судовъ, по большей части паровыхъ, подходилъ по рѣкамъ, сопровождаемый облаками дыма. Съ шумомъ выпустивъ пары, суда причаливали къ берегу и обращали его въ набережную, кипѣвшую необычайной дѣятельностію. Тысячи повозокъ спѣшили со всѣхъ сторонъ по дорогамъ, проложеннымъ топорокъ черезъ непроходимые лѣса, и нагруженыя всякаго рода запасами, возвращались къ арміи.

„Суда нагружались больными, число которыхъ, къ сожалѣнію, увеличивалось съ каждымъ днемъ, потому что время года, жаркое и вмѣстѣ дождливое, порождало смертельныя лихорадки. На другой день какъ армія, такъ и флотъ снова выступали въ походъ.“

Такова, въ общихъ чертахъ, была система хозяйства арміи до тѣхъ поръ, пока ей не удалось достигнуть юркъ-риверской желѣзной дороги, соединяющей Ричмондъ съ Вестъ-Пойнтомъ.

Хотя дорога эта была испорчена непріятелемъ, но сѣверяне привезли съ собою на транспортныхъ судахъ все необходимое для ея исправленія; заложивши по ней обширные склады и обративъ ее въ жизненную артерію своихъ военныхъ операций, они двинулись вдоль ея къ Ричмонду. Очүтившись такимъ образомъ всего въ пяти миляхъ отъ столицы Виргиніи, сѣверяне стали угрожать ей серьезнымъ образомъ. Въ это же время, со стороны рѣки Потомака, войска, оставленные для защиты УашиINGTONA, вслѣдъ за отступившею конфедеративною арміею, двинулись впередъ, и аванпосты ихъ отстояли всего на 25 верстгъ отъ арміи Макъ-Клелана. Казалось, что одновременное движеніе къ Ричмонду двухъ федеральныхъ армій могло бы теперь еще исправить дѣло и увѣнчаться величайшимъ успѣхомъ. Но, къ сожалѣнію, какъ мы уже видѣли, Макъ-Клеланъ не былъ главнокомандующимъ всѣхъ силъ сѣвера: онъ не только не могъ располагать войсками, пришедшими отъ Потомака, но вскорѣ получилъ даже приказаніе отъ Линкольна не рассчитывать на содѣйствіе этихъ войскъ.

Между тѣмъ численность арміи Макъ-Клелана уменьшалась съ каждымъ днемъ отъ огня и болѣзней, тогда какъ конфедераты усилились подъ Ричмондомъ. Генераль Борегаръ, принявшій командованіе надъ конфедеративною арміею, вмѣстѣ съ новыми подрѣпленіями принесъ свою опытность и свое имя, пользовавшееся высокимъ авторитетомъ. Самыя грозныя тучи надвигались такимъ образомъ надъ федеральною арміею, представленной отнынѣ самой себѣ и располагавшей единственнымъ коммуникаціоннымъ путемъ—желѣзной дорогой отъ Чикагомини на Уайтъ-Гоузъ (*). Въ это время у федералистовъ было только 80,000, тогда какъ у непріятеля насчитывали до 200,000 человекъ.

Послѣ сраженій при Феръ-Оаксъ, Гейнъ и Мальвернъ-Гиллъ, Макъ-Клеланъ долженъ былъ отказаться отъ продолженія дѣйствія противъ Ричмонда.

Такимъ образомъ, послѣ жестокихъ испытаній, будучи столь близокъ къ цѣли и не достигнувъ ея, Макъ-Клеланъ могъ утѣшаться и гордиться тѣмъ, что по крайней мѣрѣ успѣлъ сохранить армію, спасшую впоследствии Союзъ отъ конечнаго распада. Но общественное мнѣніе не такъ смотрѣло на дѣйствія Макъ-Клелана: вскорѣ на него посыпались всевозмож-

(*) Пункты на іоркъ-риверской желѣзной дорогѣ. Смотри выше.

ныя обвиненія и нападки, кончившіяся удаленіемъ его отъ командованія арміею.

По словамъ г. Руссильона, безпристрастная оцѣнка опубликованныхъ документовъ не можетъ не привести къ заключенію, что если Макъ-Клеланъ дѣлалъ ошибки, то и правительство не было свободно отъ многихъ упрековъ.

Вотъ что, между прочимъ, по этому поводу говоритъ авторъ:

„Немедленно по принятіи начальства, Макъ-Клеланъ, какъ главнокомандующій, принужденъ былъ отстаивать свои планы противъ посягательствъ президента, военного секретаря, комисаровъ конгресса и противъ своихъ собственныхъ генераловъ, часто призываемыхъ на военный совѣтъ. Амбаркація была принята; но флотъ не могъ ни уничтожить „Меримака“, ни бороться съ нимъ, ни даже сдѣлать его безвреднымъ; вслѣдствіе этого армія, вмѣсто того, что бы, поднявшись по Джемсу, утвердить свою базу въ нѣсколькихъ мѣ отъ Ричмонда, принуждена была высадиться въ Гэмптонѣ. Здѣсь новое препятствіе: рѣка Йоркъ оказывается недоступною для федеральнаго флота; для овладѣнія же уарвикскими линіями, признано необходимымъ взять Йоркъ-Тоунъ, что требовало правильной осады, а между тѣмъ у Макъ-Клелана для этого не было достаточно войскъ, такъ какъ значительная часть ихъ была задержана въ Уашигтонѣ правительствомъ. Но нельзя также не задать себѣ вопроса: отчего главнокомандующій, узнавъ объ этомъ рѣшеніи (на сообщеніе съ Уашигтономъ достаточно было нѣсколько часовъ) не посадилъ немедленно на суда двѣ изъ своихъ дивизій, которыя, овладѣвъ батареями, защищавшими входъ въ рѣку Йоркъ, открыли бы ее для федеральнаго флота и, обойдя уарвикскія линіи, грозили бы пути отступленія конфедератовъ, въ первое время не превышавшихъ 20,000 человекъ? Дѣйствуя такимъ образомъ, избѣгли бы затруднительныхъ работъ, а вслѣдствіе того болѣзней и потери времени.

„Позднѣе, бездѣйствіе потомакской арміи позволило конфедератамъ собрать всѣ свои силы противъ арміи Макъ-Клелана, и удобный случай атаковать Ричмондъ съ двухъ сторонъ, съ сѣверо-восточной и юго-восточной, былъ упущенъ.

„Быть можетъ, главнокомандующему, потерявшему надежду на содѣйствіе потомакской арміи, слѣдовало немедленно отказаться отъ прикрытія йоркъ-риверской желѣзной дороги, такъ какъ прикрывать эту дорогу, тянувшуюся почти параллельно фронту, было весьма трудно. Покинувъ ее, онъ могъ перенести свою базу на рѣку Джемсъ, послѣ взятія Норфолька открытую для федеральнаго флота (*). Перемѣна базы, исполненная такимъ образомъ до сосредоточенія непріятеля, не подвергала бы армію опасности, которая угрожала ей позднѣе, вслѣдствіе постоянно возрастающаго числительнаго превосходства непріятеля.“

Съ административной точки зрѣнія, кампанія эта, по сло-

(*) Норфолькъ—портъ, защищающій устье въ рѣкѣ Джемса. См. карту.

вамъ г. Руссильона, замѣчательна по искусству, съ какими Макъ-Клеанъ пополнялъ недостатки въ дорогахъ. При выборѣ Юркъ-Тоунонаго полуострова средоточіемъ военныхъ дѣйствій, онъ весьма основательно оцѣнилъ, какія выгоды могъ доставить ему флотъ, относительно подвоза различныхъ припасовъ и транспортированія больныхъ и раненыхъ.

Кампанія западной арміи въ Георгію, 1864 г.

Извѣстно, что, въ теченіе всей сѣверо-американской войны, федеральный флотъ вездѣ почти служилъ весьма существеннымъ подспорьемъ для дѣйствій сухопутныхъ армій. На немъ перевозились войска, больные, раненые и всевозможные запасы; онъ же весьма часто бился съ неприятелемъ, рука объ руку съ сухопутными войсками, гдѣ только являлась возможность сопровождать ихъ водою. Совсѣмъ другое, въ этомъ отношеніи, мы видимъ во время похода Шермана въ Георгію.

Здѣсь не было судоходныхъ рѣкъ, и сухопутная армія должна была довольствоваться собственными средствами. Приходилось прибѣгать къ желѣзной дорогѣ, по большой части разрушенной, оспариваемой на каждомъ шагу, и исправлять которую было крайне затруднительно. Необходимо было прокладывать себѣ путь посреди болотъ и лѣсовъ и строить бревенчатыя дороги. Въ этой кампаніи солдаты обѣихъ сторонъ выказали одинаковое упорство, одинаковую неустрашимость; только числительность и различіе въ матеріальныхъ средствахъ обуславливали окончательный результатъ.

Но прежде чѣмъ станемъ говорить о кампаніи въ Георгію, необходимо припомнить что дѣлалось на другихъ театрахъ войны.

Въ концѣ 1863 и въ началѣ 1864 годовъ, большая часть приморскихъ портовъ южанъ, на всемъ огромномъ пространствѣ отъ устья Чизапика до Ріо-Гранде, находились въ рукахъ федералистовъ, за исключеніемъ Уильмингтона, Гальвестона, Мобила, Чарльстона и Саванны. Занятіе двухъ послѣднихъ, какъ увидимъ ниже, и составляло цѣль дѣйствій кампаніи въ Георгію.

Въ Виргиніи, въ это время, обѣ враждующія арміи, раздѣленные только теченіемъ р. Раппаганока, прекративъ наконецъ бездѣйствіе, 1-го мая встрѣтились на позиціи при Ченслорсвиллѣ. Кровопродитное сраженіе продолжалось три дня.

послѣ котораго конфедеративная армія, предводимая генераломъ Ли, должна была отступить за Раппагановъ.

Послѣ мѣсячнаго отдыха, конфедераты, подѣ начальствомъ генерала Ли, снова, долиною Шемандов, перешли въ наступленіе и дѣйствовали такъ успѣшно, что 30-го іюня овладѣли всею странюю къ сѣверу отъ Вашингтона. Опасность была слишкомъ велика, но смѣлое и рѣшительное наступленіе потомакской арміи спасло и федеральное правительство и Союзъ. Конфедераты, настигнутые генераломъ Мидомъ у Геттисбурга, послѣ двѣнадцатичасоваго боя, принуждены были отступить за р. Потомакъ.

Неудачи, повесенныя въ 1863 году конфедеративной арміей на Мисисипи и въ восточномъ Теннесси, не позволяли рассчитывать на подкрѣпленія, а потому Ли, предоставленный собственнымъ силамъ и значительно ослабленный послѣ геттисбургскаго боя, долженъ былъ приготовиться оборонять шагъ за шагомъ пересѣченную мѣстность между Рапиданомъ и Ричмондомъ. Въ продолженіе зимы онъ основательно изучилъ эту страну и построилъ тѣ послѣдовательныя оборонительныя линіи, которыя въ 1864 году стояли федералистамъ столькихъ потоковъ крови.

Такимъ образомъ, съ наступленіемъ 1864 года, обѣ враждующія стороны, послѣ столькихъ маршей и сраженій, занимали на сѣверномъ театрѣ войны почти тѣ же позиціи, какъ и въ предшествовавшемъ году. Великія битвы и упорныя дѣла въ Виргиніи, Мерилэндѣ и Пенсильваніи не принесли другаго результата, кромѣ истощенія обѣихъ армій; но истощеніе это было далеко неодинаково: федеральная армія безпрестанно пополнялась новыми волонтерами, изобильно снабжалась всевозможными запасами, приобрѣла навыкъ къ войнѣ и сдѣлала большіе успѣхи относительно своей военной организаціи; конфедеративное правительство, напротивъ, уже давно призвавъ къ оружію всѣхъ здоровыхъ гражданъ, видѣло число своихъ защитниковъ уменьшающимся съ каждымъ днемъ и истощило послѣдніе источники для формированія своихъ послѣднихъ армій.

Съ другой стороны, правительство сѣвера, утомясь безпрестанной смѣной генераловъ и чувствуя необходимость ввѣрить единой и могучей власти общее управленіе военными операціями, рѣшилось, съ первыхъ же мѣсяцевъ 1864 года, облечь эту властію генерала Гранта.

Немедленно по вступленіи въ должность, генераль Грантъ принялъ планъ союзуной атаки, цѣлю которой долженъ былъ служить Ричмондъ. По его ходатайству, начальство надъ сильнымъ корпусомъ на Миссисипи, отдѣленнымъ отъ западной арміи, ввѣрено было правительствомъ генералу Шерману; генераль Мидъ былъ оставленъ главнокомандующимъ потомакской арміи; себѣ же Грантъ предоставилъ общее направленіе этихъ обѣихъ армій. Впослѣдствіи мы скажемъ нѣсколько словъ о дѣйствіяхъ потомакской арміи; теперь же обратимся къ разсказу о походѣ въ Георгію генерала Шермана, дѣйствовавшаго хотя непосредственно и отдаленно, но тѣмъ не менѣе могущественно подготовившаго паденіе Ричмонда подъ ударами федеральной арміи.

Верхняя Георгія, въ которой, согласно предписанію Гранта, приходилось дѣйствовать Шерману, представляетъ гористую, весьма мало населенную страну, покрытую лѣсами и почти лишенную сообщеній. Дожди въ нѣсколько часовъ превращаютъ здѣсь дѣвственную почву въ страшную грязь, по которой движеніе транспортовъ дѣлается невозможнымъ. Такимъ образомъ, Шерманъ могъ довольствоваться свою армію только посредствомъ желѣзной дороги, спускающейся отъ Нэшвила и Чаттануги къ Атлантѣ и далѣе къ Саваннѣ и Чарльстону.

Федеральное правительство, придавая большую важность дѣйствіямъ Шермана, не упускало ничего для подготовки ихъ успѣха. Какъ мы сейчасъ сказали, по характеру театра войны, Шерману приходилось довольствоваться свою армію посредствомъ желѣзныхъ путей; но такъ какъ можно было справедливо предполагать, что непріятель не покинетъ ихъ, предварительно не испортивъ и не угнавъ назадъ всего подвижнаго состава, то для предстоявшаго исправленія и эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ федералистами заготовлено было все необходимое и собранъ цѣлый легіонъ рабочихъ, которые еще въ 1863 году начали исправленіе участка желѣзной дороги отъ Миссисипи до Чаттануги. Здѣсь нельзя не указать на характеристическое расположеніе войскъ арміи Шермана, прикрывавшихъ работы. Для этого они были расположены эшелонами вдоль дороги отъ Коринѣа до Аэинъ; въ Стевенсонѣ, подлѣ Чаттануги, стоялъ Гукеръ съ двумя корпусами, поддерживая связь съ войсками Шермана; корпусъ генерала Макъ-Ферсона, нахо-

дась въ Кантонѣ, охранялъ Миссисипи и прикрывалъ желѣзную дорогу отъ Нью-Орлеана къ Мемфису, раздвѣивающуюся къ сѣверу и пересѣкающую исправляемую линію; въ самой Чаттанугѣ стоялъ генералъ Томасъ съ нѣсколькими отрядами, прикрытый съ лѣваго фланга двумя корпусами, подъ начальствомъ Ворсайда, занимавшими Ноксвилъ и верхній Теннесси; въ то же время была возобновлена желѣзная дорога между Нашвилемъ и Чаттанугою. Расположеніе это въ полной мѣрѣ выказываетъ вліяніе, оказываемое желѣзными путями, какъ коммуникационными линіями, на расположеніе войскъ на театрѣ войны; по той же причинѣ, важнѣйшими предметами дѣйствій, послѣ арміи противника, становятся *пункты пересѣченія желѣзныхъ дорогъ*. Потому-то Грантъ, руководя дѣйствіями генерала Шермана, прежде всего совѣтывалъ ему овладѣть Атлантой, какъ важнѣйшимъ стратегическимъ пунктомъ и ближайшею цѣлю его операций.

Походъ Шермана любопытенъ еще и въ томъ отношеніи, что единственною коммуникаціонною линіею ему служила единственная желѣзная дорога; но какъ она могла подвергаться ударамъ противника, а вслѣдствіе этого, при скудости средствъ страны, и жизнь арміи ставилась на карту, явилась необходимость въ сильномъ подвижномъ магазинѣ, что было весьма благоразумно предусмотрѣно, такъ что пропорція обозовъ была несравненно большая, нежели принято въ обыкновенныхъ европейскихкихъ арміяхъ.

Передъ открытіемъ кампаніи, армія Шермана была усилена до 100,000 человекъ, при 250 орудіяхъ и 3,000 шестиконныхъ повозкахъ. Хотя въ числѣ войскъ было всего 6,000 кавалеріи, тѣмъ не менѣе арміи приходилось продовольствовать болѣе 30,000 верховыхъ и упряжныхъ животныхъ. Для обезпеченія такой значительной арміи заблаговременно было собрано по желѣзной дорогѣ, въ складахъ Нашвиля и Чаттануги, разныхъ запасовъ болѣе чѣмъ на 60,000,000 рублей.

Противопоставленный Шерману генералъ Джонстонъ былъ тоже значительно усиленъ; но подъ его начальствомъ находилось всего 70,000 (въ числѣ которыхъ было 12,000 кавалеріи), при 100 орудіяхъ. Превосходство въ кавалеріи давало ему возможность безпрерывно угрожать сообщеніямъ непріятеля и въ особенности желѣзной дорогѣ.

Слѣда за образомъ дѣйствій враждебныхъ армій, между

Чаттанугою и Атлантой, приходимъ къ выводу, что конфедераты, уступая численности противникамъ, избираютъ крѣпкія позиціи вблизи желѣзной дороги для ея защиты отъ непріятеля, стараясь въ то же время угрожать своей многочисленной кавалеріей его сообщеніямъ. Федеральная же армія, пользуясь своимъ численнымъ превосходствомъ, тщательно избѣгая атакъ открытою силою укрѣпленныхъ непріятельскихъ позицій, заставляетъ покидать ихъ искусными обходами. Дѣйствуя такимъ образомъ, Шерману удалось наконецъ послѣ четырехъ мѣсяцевъ трудныхъ работъ и искусныхъ маневровъ достигнуть первой цѣли войны — занять Атланту.

Изъ этого примѣра можно убѣдиться, какъ необходимо для арміи, принявшей желѣзную дорогу за единственную линію своихъ будущихъ операцій, имѣть достаточное количество повозокъ, для подъема продовольствія на нѣсколько дней, что даетъ возможность послѣдовательно обходить опорные пункты непріятеля. Правда, федеральная армія употребила четыре мѣсяца для того, чтобы пройти только 150 миль (около 227 верстъ); но она успѣвала по мѣрѣ наступленія возстановлять желѣзную дорогу, перевозившую все продовольствіе и запасы, и овладѣвала оборонительными позиціями конфедератовъ съ возможно-меньшими потерями.

Съ занятіемъ Атланты, явилась возможность въ нѣсколько дней, по желѣзной дорогѣ, перевезти въ ея магазины изъ Чаттануги и Нэшвиля всякаго рода запасы и, устроивъ здѣсь базу, двинуться далѣе къ берегамъ Океана, отъ котораго Шерманъ находился теперь въ 300 миляхъ (453 версты) разстоянія, считая по направленію къ Чарльстону или Саваннѣ, и въ такомъ же разстояніи отъ Нэшвиля. Конфедераты, будучи слишкомъ слабы для того, чтобы удерживать противника съ фронта, рѣшились съ оставшимися у нихъ 40,000 человекъ дѣйствовать на его сообщенія, и 20-го сентября, перейдя Чаттануги по мостамъ, которые сожгли за собою, они начали приводить въ негодность желѣзную дорогу въ тылу федералистовъ. Конфедератамъ, однако, не удалось овладѣть Альтоной, хотя гарнизонъ ея состоялъ только изъ 2,000 человекъ.

Видя опасность, угрожавшую его сообщеніямъ, Шерманъ, оставивъ въ Атлантѣ, въ видѣ гарнизона, одинъ только корпусъ, со всѣми войсками бросился за конфедератами, угрожая въ свою очередь ихъ тылу, принудилъ покинуть линію желѣз-

ной дороги и немедленно приступилъ къ ея исправленію, чтобы довольствоваться изъ магазиновъ Атланты.

Предугадывая намѣренія конфедератовъ угрожать Нэшвиллю, Шерманъ расположился такимъ образомъ, чтобы заградить Атланту и желѣзную дорогу; въ то же время онъ отрядилъ значительный отрядъ войскъ для сопровожденія вдоль желѣзной дороги равенныхъ, части артилеріи и вообще всего, что не могло быть взято съ собою при маршѣ къ берегамъ Океана. Какъ только сказанныя войска успѣли достигнуть Нэшвиля, Шерманъ не считъ нужнымъ оставаться долѣе на избранной имъ позиціи. Внезапно покинувъ ее, онъ быстро возвращается въ Атланту, уничтожаетъ за собою (и на этотъ разъ уже окончательно) желѣзную дорогу, которую до той поры возстановлялъ и прикрывалъ, преодолевая такіа затрудненія. Въ Атлантѣ онъ соединился съ оставленными тамъ войсками, и вслѣдъ затѣмъ обѣ противныя арміи, обращенныя тыломъ другъ къ другу, быстро начинаютъ удаляться одна отъ другой.

Рѣшась углубиться въ Георгію и предпринять продолжительный маршъ изъ Атланты въ Саванну, бросивъ свои сообщенія, Шерманъ составилъ свой экспедиціонный корпусъ слѣдующимъ образомъ: четыре корпуса пѣхоты, всего 58,000 человекъ; 5,000 кавалеріи; 58 полевыхъ орудій съ ихъ зарядными ящиками; 2,000 вагоновъ съ продовольствіемъ, запряженныхъ шестью мулами каждый; 200 госпитальныхъ повозокъ, временно нагруженныхъ шанцевымъ инструментомъ; легкій понтонный паркъ. Вся осталная матеріальная часть оставлена была въ Нэшвилѣ въ полной безопасности.

15-го ноября 1864 года Шерманъ взорвалъ укрѣпленія Атланты и очистилъ городъ. Войска выступили въ походъ, имѣя при себѣ продовольствія на десять дней и небольшое стадо въ 200 воловъ; но Шерманъ рѣшился продовольствоваться средствами страны и въ минуту выступленія отдалъ приказъ, замѣчательный относительно способа фуражированія и добыванія порціоннаго скота.

Изъ Атланты къ Океану ведутъ двѣ желѣзныхъ дороги, пересѣкающія штатъ Георгію. Одна—прямо на востокъ черезъ Аугусту къ Чарльстону; другая—сначала спускается къ юго-востоку до Макона, потомъ поворачиваетъ на востокъ, въ направленіи почти параллельномъ первой, и оканчивается у Саванны. Отъ Аугусты до Миллена идетъ особая вѣтвь, соеди-

няющая помянутыя двѣ линіи. Конфедераты, захваченные врасплох неожиданнымъ движеніемъ Шермана, не успѣли значительно испортить этихъ дорогъ и могли противопоставить ему въ Георгіи только малочисленную кавалерію и плохо организованныя милиціи.

Георгія представляетъ волнообразную, лѣсистую и часто болотистую мѣстность, прорѣзанную лишь небольшимъ количествомъ удобныхъ дорогъ, число которыхъ зимою еще болѣе уменьшается; притомъ, при довольствіи средствами страны, приходилось по необходимости дробить силы. Такимъ образомъ, армія подвигалась впередъ, раздѣленная на столько колоннъ, сколько въ ней считалось дивизій, имѣя головы ихъ по возможности на одной высотѣ; ширина района ея слѣдованія доходила до 80 верстъ. Правая колонна, подъ личнымъ начальствомъ Шермана, слѣдовала вдоль желѣзной дороги на Маконъ предшествуемая кавалеріей, назначенной для демонстраціи противъ этого пункта; лѣвая, подъ предводительствомъ Слокома, держалась желѣзной дороги на Августу.

Конфедеративные генералы сосредоточили всѣ свободныя войска для обороны Макона; но Шерманъ, послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ стычекъ у воротъ Макона, быстро переправился черезъ рѣку Окмульджи, двинулся затѣмъ къ сѣверу и 22-го ноября соединился въ Милледжвиллѣ съ Слокомомъ, заблаговременно туда направленнымъ.

Такимъ образомъ сѣверяне овладѣли столицей Георгіи и угрожали одновременно Чарльстону и Саваннѣ. Недѣлю спустя они достигли Миллена, пункта пересѣченія желѣзныхъ путей, забравъ по дорогѣ 1,200 головъ крупнаго скота, лошадей, барановъ и фуражъ, необходимый для ихъ продовольствія.

Противъ Шермана могла выступить только незначительная кавалерія и нѣсколько наскоро собранныхъ милицій; но вѣрности Чарльстонъ и Саванна заключали въ себѣ сильныя гарнизоны, составленные изъ старыхъ войскъ, которыя могли бы представить серьезныя затрудненія, если бы успѣли соединиться. Къ счастью, неизвѣстность — слѣдствіе искусныхъ движеній Шермана — осудила эти войска на выжидательное бездѣйствіе. Рѣшась овладѣть сперва Саванной, чтобы войти въ сообщеніе съ флотомъ адмирала Дальгрина, Шерманъ приказалъ кавалеріи Кильпатрика произвести демонстрацію противъ Августы на чарльстонской линіи, и въ то же время быстро на-

правиль дивизию генерала Форстера противъ желѣзной дороги, соединяющей Чарльстонъ съ Саванной. Послѣ довольно жаркаго дѣла, Форстеръ прочно утвердился на станціи Грегэм-виллѣ, и прервалъ такимъ образомъ сообщеніе между двумя крѣпостями. Съ остальными войсками Шерманъ обложилъ 11-го декабря фортъ Макъ-Аллистеръ, защищавшій входъ въ рѣку Саванну и составлявшій главную оборонительную постройку города. Противъ этого форта былъ сосредоточенъ огонь всей артилеріи, а на горизонтѣ уже видѣлись многочисленныя суда федеральнаго флота. 14-го декабря Макъ-Аллистеръ, послѣднее препятствіе, не позволявшее экспедиціонной арміи получать посредствомъ флота продовольствіе, котораго она такъ давно была лишена, былъ взятъ штурмомъ, и Шерманъ могъ безотлагательно войти въ сообщеніе съ адмираломъ Дальгриномъ. Немедленно начаты были осадныя работы противъ города, губернатору же послано требованіе о сдачѣ крѣпости. Въ Саваннѣ, подъ начальствомъ генерала Гарди—находился 15,000 гарнизонъ. Полагая невозможнымъ противостоятъ двойной атакѣ—съ моря и съ сухаго пути—Гарди однако же отвѣчалъ, что рѣшился драться до послѣдней крайности; но въ то же время, все, что было возможно, онъ вывезъ изъ крѣпости ночью, приказавъ бросить въ море запасы продовольствія, разрушить два броненосныя судна, уничтожить все казенное имущество, и въ ночь съ 20-го на 21-е число, переправясь черезъ рѣку, ушелъ со всѣми своими войсками. Занявъ Саванну 21-го декабря, Шерманъ могъ отправить къ Линкольну слѣдующую знаменитую депешу: „Имѣю честь предложить вамъ, какъ подарокъ на Рождество, городъ Саванну съ 150-ю орудіями большаго калибра, множествомъ снарядовъ и 25,000 тюковъ хлопка.“ Этотъ громадный успѣхъ распространилъ во всѣхъ городахъ сѣвера неописанную радость.

Давъ въ Саваннѣ мѣсячный отдыхъ своимъ войскамъ, возобновивъ ихъ обмундированіе и исправивъ матеріальную часть перевозочныхъ средствъ—все вещи, существенно необходимыя — генералъ Шерманъ въ половинѣ января 1865 года выступилъ снова въ походъ, раздѣливъ свои войска на три колонны. Двѣ изъ нихъ шли на Бренчвиллъ, важный стратегическій пунктъ прерванія сообщеній между Чарльстономъ и внутреннею стію страны; третья направилась прямо противъ этой

крѣпости. Чарльстонскій гарнизонъ, предводимый Борегаромъ, вида какой опасности подвергаются его сообщенія, очистилъ крѣпость.

Едва успѣлъ Шерманъ овладѣть Чарльстономъ, какъ снова выступилъ къ сѣверу, вполне обезпеченный флотомъ относительно продовольствія.

По первоначальному плану, начертанному Грантомъ, армія Шермана со всею матеріальною частью должна была, по взятіи Саванны и Чарльстона, сѣсть тамъ на суда, и, высадившись у Норфолка, обложить Ричмондъ и Петербургъ съ юго-запада. Но какъ транспортныя суда не были готовы вовремя, то Шерманъ рѣшился двинуться сухимъ путемъ, чтобы постоянно находиться между двумя арміями юга: арміей Джонстона, дѣйствовавшей въ полъ, и генерала Ли, осажденной въ Ричмондѣ. Послѣ нѣсколькихъ кавалерійскихъ дѣлъ 9-го и 16-го февраля, Шерманъ вступилъ 17-го въ Колумбію, столицу южной Каролины. 12-го марта Шерманъ подступилъ къ Файетвилю и овладѣлъ этимъ важнымъ пунктомъ, отъ котораго идетъ желѣзная дорога на Ралейгъ, столицу сѣверной Каролины, и далѣе на Ричмондъ. Разстояніе между этими двумя городами не превосходитъ 320 верстъ рельсоваго пути. Джонстонъ отступилъ на Гольдсборо и здѣсь рѣшился наконецъ дать отпоръ. 15, 16, 19, 20 и 21-го марта происходили сраженія, но конфедеративный генералъ не успѣлъ воспрепятствовать соединенію Шермана съ войсками, прибывшими изъ Нашвилля и изъ Уильмингтона тоже занятого федералистами. 22-го марта соединенная армія, подъ главнымъ начальствомъ Шермана, заняла Гольдсборо. Джонстонъ отступилъ къ Смитфильду. По занятіи Гольдсборо, Шерманъ получилъ въ свое распоряженіе желѣзную дорогу изъ Уильдона, и могъ такимъ образомъ подвигаться по направленію къ арміи Гранта, отрѣзывая вмѣстѣ съ тѣмъ отъ Ричмонда всякій подвозъ съ юга. Кромѣ того, поручивъ своей кавалеріи наблюденіе за Джонстономъ, онъ парализовалъ этимъ его дѣйствія и не позволялъ послать къ Ли никакой помощи. Шерманъ находился теперь всего въ разстояніи 220 верстъ отъ арміи Гранта; онъ остановился на нѣсколько времени въ Гольдсборо, чтобы исправить и пополнить обмундированіе своихъ войскъ, весьма много пострадавшее отъ продолжительныхъ зимнихъ маршей. Въ то же вре-

мя онъ приказалъ исправить желѣзную дорогу отъ Гольдсборо къ Нью-Берну, для подвоза продовольствія съ моря.

Развязка четырехлѣтней борьбы приближалась къ концу. Съ того времени, какъ южныя желѣзныя дороги были прерваны, въ Ричмондѣ оказался голодъ; конфедеративныя бумажныя деньги страшно упали въ курсѣ, и побѣги во всѣхъ войскахъ юга приняли громадные размѣры. Кампанія Шермана оказала могущественное вліяніе на такое положеніе дѣлъ, и если онъ былъ еще слишкомъ удаленъ отъ укрѣпленныхъ линій Петербурга, чтобы принять участіе въ предстоявшемъ штурмѣ ихъ, то имѣлъ по крайней мѣрѣ возможность преградить южныя дороги для всякаго, кто пожелалъ бы выйдти изъ крѣпости.

„Въ продолженіе этой длинной, десятилѣтней кампаніи -- говоритъ г. Руссильонъ -- Шерманъ выказалъ себя искуснымъ стратегомъ и предусмотрительнымъ администраторомъ. Посреди лѣсовъ и болотъ Георгіи, онъ успѣлъ сберечь и правильно доводить свои войска, которыя, по прибытіи къ Саваннѣ, изъ 50,000 человѣкъ считали только 137 больныхъ. Если въ первый періодъ, т. е. до выступленія изъ Атланты, онъ мистерски пользовался желѣзными дорогами, то во второй онъ также искусно, при отсутствіи ихъ, сумѣлъ жить на счетъ страны. Наконецъ, гдѣ не было путей сообщенія, онъ по лѣсамъ открывалъ путь своимъ колоннамъ, приказывая солдатамъ строить бревенчатыя дороги.

„Приблизясь къ берегамъ океана, Шерманъ угрожаетъ одновременно всѣмъ своимъ противникамъ, обрушивается затѣмъ противъ главной цѣли своихъ дѣйствій и овладѣваетъ ею посредствомъ самыхъ энергическихъ атакъ. Однимъ словомъ, кампанія Шермана отличается, въ самой высокой степени, предусмотрительностію, смѣлостію и непоколебимою рѣшимостію.“

Въ заключеніе намъ остается сказать нѣсколько словъ о дѣйствіяхъ федеральной арміи въ Виргиніи, въ теченіе 1864 и 1865 годовъ. Передъ началомъ кампаніи, Грантъ, въ рукахъ котораго, какъ мы сказали уже, была сосредоточена военная власть, собралъ подъ своимъ непосредственнымъ начальствомъ до 125,000 человѣкъ всѣхъ родовъ оружія, имѣя въ томъ числѣ около 33,000 верховыхъ и упряжныхъ лошадей, 22,000 муловъ, 4,300 повозокъ и 835 конныхъ госпитальныхъ повозокъ.

3-го мая войска этой арміи выступили въ походъ и направились къ р. Рапидану. Овладѣвъ послѣдовательно нѣсколькими весьма сильными оборонительными позиціями конфедератовъ на притокахъ р. Анны и перейдя у форта Паугатана на пра-

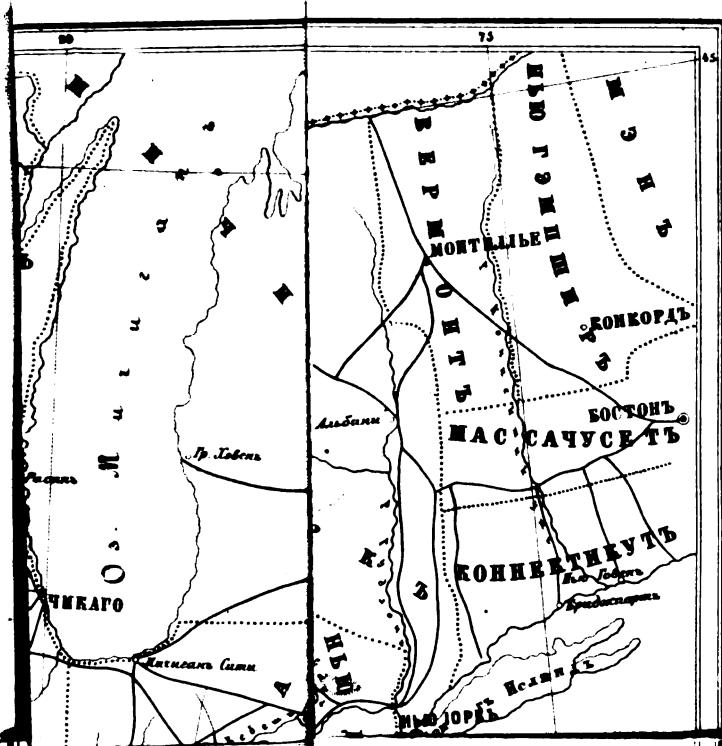
вый берегъ р. Джемса, армія федералистовъ, въ половинѣ іюня, приступила къ осадѣ Петербурга.

Многіе находятъ, что, владѣя теченіемъ Джемса, со времени взятія Норфолька въ 1862 году, Грантъ могъ, подобно Макъ-Клелану, съѣсть на суда въ Александріи и Фредериксбургѣ, и затѣмъ высадиться въ Паугатанъ, избѣгнувъ такимъ образомъ бесполезной потери въ 50,000 человѣкъ. Такой упрекъ, по мнѣнію г. Руссильона, однако, совершенно незаслуженъ. Примѣръ кампаніи 1862 года показалъ вполне всю опасность такого рода дѣйствій. Не подлежитъ сомнѣнію—говорить авторъ—что, узнавъ объ амбаркаціи федеральной арміи, конфедераты немедленно предприняли бы диверсію въ Мерилендъ и Пенсильванію, чтобы отвлечь арміи, угрожавшія Ричмонду. Напротивъ того, идя отъ Рапидана къ Джемсу, Грантъ постоянно могъ воспрепятствовать движенію Ли къ Потوماку. Такимъ образомъ онъ парализовалъ наступательныя дѣйствія конфедератовъ цѣною потери въ 50,000 человѣкъ на 35 или 40,000 выбывшихъ изъ строя у непріятеля; но югъ истощилъ уже въ это время всѣ средства для комплектованія, и не имѣлъ возможности, подобно сѣверу, пополнять пробѣлы въ рядахъ своихъ армій.

Подобно Севастополю, Петербургъ не былъ обложенъ, что и дало ему возможность продержаться четыре мѣсяца, несмотря на энергическія атаки и могущество употребленныхъ противъ него средствъ осады. Но лишь только федералистамъ удалось овладѣть всѣми южными и западными желѣзными дорогами, ведущими къ Петербургу и Ричмонду, какъ паденіе ихъ не замедлило совершиться. Лишенные подвоза новыхъ подкрѣпленій, войска конфедератовъ вынуждены были не только оставить защищаемые ими города, но и сдать на капитуляцію, и тѣмъ положить конецъ войнѣ.

Впослѣдствіи, мы еще обратимся къ разсмотрѣнію и остальныхъ частей сочиненія г. Руссильона, и тогда постараемся высказать наше окончательное мнѣніе объ этомъ, во многихъ отношеніяхъ, замѣчательномъ трудѣ.

* * *

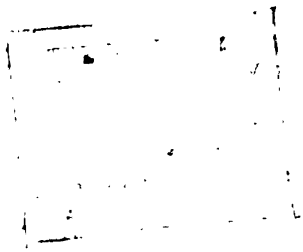
3 А Л

ТА

АМЕРИКАНСКОЙ

НЫ

65 года

Русскіе уголовные процессы. Томъ IV. Изд. Александра Любавскаго. Сиб. 1868.

Первые три тома этого юридическаго сборника были встрѣчены весьма благопріятными отзывами всѣхъ нашихъ главныхъ органовъ печати и сочувственно тѣмъ кругомъ читателей, до котораго они касаются непосредственно по своему содержанію. Да и вообще читающая публика нашла въ сборникѣ г. Любавскаго любопытный матеріалъ по дѣламъ уголовнымъ, разсмотрѣннымъ и рѣшеннымъ прежнимъ порядкомъ судопроизводства. Изданный нынѣ четвертый томъ заключаетъ въ себѣ почти исключительно дѣла, разрѣшенныя бывшимъ военнымъ генералъ-аудиторіатомъ, дѣла доселѣ нигдѣ не обнародованныя, хотя наиболѣе крупныя изъ нихъ были извѣстны по слухамъ болѣе или менѣе. Всѣхъ дѣлъ помѣщено *пятьдесятъ-восемь*. Конечно, не всѣ они въ одинаковой степени важны и интересны, но можно сказать утвердительно, что почти всѣ, по своему разнообразію, имѣютъ практическій интересъ для дѣателей новыхъ судебныхъ учреждений, а другія дѣла справедливо достойны вниманія всякаго любовательнаго военнаго человѣка по своей исключительной обстановкѣ.

Старымъ кавказцамъ памятно дѣло о генералъ-маіорѣ Бюрно, который былъ судимъ за покинутіе позиціи при селеніи Борчъ и за ложныя донесенія по этому предмету. Случай относится къ первымъ числамъ сентября 1848 года, когда Шамиль, со скопищемъ лезгиновъ, вторгнулся въ Самурскій округъ, занялъ главныя селенія рутульскаго и ахтинскаго обществъ и обложилъ укрѣпленіе Ахты, угрожая ворваться въ Нухинскій уѣздъ. Генералъ-маіоръ Бюрно находился въ окрестностяхъ селенія Борчъ, въ семидесяти верстахъ отъ осажденнаго форта, съ отрядомъ, разработывавшимъ новую дорогу по Шинскому ущелью. Отрядъ состоялъ изъ 1-го баталіона Мингрельскаго и 4-го баталіона Тифлискаго егерскаго полковъ, 100 человекъ саперовъ, ракетной команды и около 150 человекъ милиціи. По мнѣнію главнокомандовавшаго отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ, генералъ Бюрно, занимая эту позицію, обезпечивалъ Елисуйскія земли и Нухинскій уѣздъ и прикрывалъ: дорогу въ Шинское ущелье, сообщенія чрезъ Кимское ущелье въ Нуху и чрезъ Хачмазское ущелье въ селенія участка того же названія, имѣя вмѣстѣ съ тѣмъ возможность угрожать тылу и флангу непріятели по дорогамъ, ведущимъ въ Рутуль и Ца-

хурь. Что же побудило генераль-маіора Бюрно оставить занимаемую имъ позицію? Въ донесеніи своемъ онъ объяснялъ, что замѣтилъ *глубокое уныніе* между офицерами вѣреннаго ему отряда, но въслѣдствіи самъ опровергъ справедливость этого объясненія, сказавъ, что нисколько не сомнѣвался въ мужествѣ и храбрости офицеровъ. Въ томъ же донесеніи онъ говорилъ, что вопросъ объ отступленіи отъ селенія Борчъ былъ рѣшенъ по единогласному мнѣнію баталіонныхъ и ротныхъ командировъ; но слѣдствіе открыло, что баталіонные командиры были призываемы уже *послѣ* того, какъ рѣшено было отступать, да и то не для совѣщанія, а для полученія приказаній относительно перевозки тяжестей; ротные же командиры положительнаго мнѣнія объ отступленіи не выражали; напротивъ, единодушно изъявили готовность идти, куда будетъ приказано.

Другое интересное военно-судное дѣло относится къ крымской кампаніи. Памятно тягостное впечатлѣніе, произведенное не только на военное сословіе, но и на всю Россію сдачею (1855) крѣпости Кинбурнъ генераль-маіоромъ Кохановичемъ, который, вмѣстѣ съ гарнизономъ, отведенъ былъ въ плѣнъ. Въ мартѣ 1856 года, когда Кохановичъ и прочіе чины кинбурнскаго гарнизона были возвращены изъ плѣна, учрежденная, по высочайшему повелѣнію, въ г. Николаевѣ комисія, обязывалась изслѣдовать: въ какой мѣрѣ были основательны причины, побудившія генераль-маіора Кохановича сдать крѣпость. Комисія обнаружила слѣдующіе факты: въ 1854 году крѣпость Кинбурнъ была вооружена по военному положенію 88 орудіями разныхъ калибровъ, и главнокомандовавшимъ войсками въ Крыму сдѣланы были распоряженія къ оборонѣ крѣпости отъ непріятеля. Гарнизонъ состоялъ, кромѣ коменданта, изъ 37 штабъ и оберъ-офицеровъ и 1,427 нижнихъ чиновъ. Недостатка въ продовольственныхъ и огнестрѣльныхъ припасахъ не было. Когда въ октябрѣ 1855 года непріятельскій флотъ, окруживъ крѣпость съ моря, высадилъ до 6,000 человекъ, Кохановичъ хотя и сдѣлалъ общія распоряженія къ оборонѣ, но не собралъ, вопреки инструкціи комендантамъ, военнаго совѣта для обсужденія вопроса: какимъ образомъ защищать крѣпость, не принявъ мѣръ къ наблюденію за движеніемъ непріятеля посредствомъ выставленія секретовъ въ Лиманѣ и не приказавъ своевременно сжечь на форштадтѣ всѣ зданія и дрова. Во время бомбардированія крѣпости, Кохановичъ не распорядился надлежащимъ размѣще-

ніемъ всѣхъ бывшихъ въ крѣпости орудій, вслѣдствіе чего до 20 орудій бесполезно поставлены были на прикрытомъ пути одесскаго фронта, въ казематахъ 7-го бастіона и на Лиманскомъ форштадтѣ, а 10 мортиръ и вовсе не были поставлены. Комендантъ не назначилъ старшихъ офицеровъ начальниками отдѣльныхъ фортовъ, отъ чего артиллерійскіе офицеры командовали независимо другъ отъ друга, и самъ не былъ на фортахъ во время обороны, но находился въ одномъ изъ крѣпостныхъ казематовъ. Когда же бомбардированіе съ шестидесяти непріятельскихихъ судовъ произвело въ крѣпости значительныя поврежденія, когда было подбито до 42 нашихъ орудій, а изъ чиновъ гарнизона ранено до 100 и убито до 30 человекъ, тогда Кохановичъ приказалъ прекратить огонь, не собравъ, какъ предписывалъ законъ, военнаго совѣта для обсужденія вопроса: слѣдуетъ ли продолжать оборону. Затѣмъ, когда непріятель выслалъ парламентаровъ для переговоровъ о сдачѣ крѣпости, комендантъ, вопреки инструкціи, самъ вышелъ изъ крѣпости и, несмотря на увѣренія инженеръ-штабсъ-капитана Седергольма о возможности дальнѣйшей обороны, принялъ предложенныя условія и сдался въ плѣнъ со всѣмъ гарнизономъ, хотя крѣпость не выдержала еще трехъ штурмовъ на проходимой бреші. Даже во время нахождения въ плѣну Кохановичъ поступилъ въ высшей степени безтактно, чтобы не сказать болѣе: *онъ обращался къ французскому правительству съ просьбою о вознагражденіи его за вещи, оставленныя въ Кинбурнѣ и тамъ утраченныя.*

Справедливо замѣчаетъ издатель по поводу этихъ двухъ дѣлъ, что „русскіе военачальники, ознаменовавшіе себя покореніемъ Кавказа и геройскою защитою Севастополя, не могутъ потерять въ глазахъ общества только потому, что въ средѣ ихъ оказались отдѣльныя личности, лишеныя распорядительности и энергіи.“

Пять дѣлъ о дуэляхъ вновь подтверждаютъ давно сдѣланное наблюденіе, что у насъ эта кровавая личная расправа, оканчивающаяся иногда трагически, бываетъ, почти сплошь и рядомъ, слѣдствіемъ самыхъ ничтожныхъ, самыхъ пустыхъ причинъ, результатомъ ребяческаго самолюбія, неимѣющаго ничего общаго съ истиннымъ понятіемъ о чести. Надѣлавшая въ свое время (въ іюнь 1842 г.) много шума дуэль между штабсъ-ротмистрами лейбъ-гвардіи гусарскаго полка княземъ Яшвилемъ и княземъ Долгоруковымъ также произошла изъ-за пустяковъ.

Все дѣло заключалось въ томъ, что, за обѣдомъ у ротмистра того же полка Ломоносова, офицеры шутили замѣчали князю Яшвилю, что онъ ухаживаетъ за актрисами, а князь Долгоруковъ прибавилъ, что смѣшно въ лѣта его, князя Яшвиля, такъ дурачиться. Яшвиль возразилъ, что смѣшонъ онъ или нѣтъ, но никому не позволить смѣяться надъ собою, а Долгоруковъ отвѣчалъ, что терпѣть не можетъ людей, которые стращаютъ. Вотъ и весь поводъ къ дуэли. Она происходила безъ секундантовъ; Долгоруковъ былъ убитъ. Покойный императоръ Николай Павловичъ, полагая собственноручную конfirmaцію на подлинномъ докладѣ генераль-аудиторіята, замѣтилъ, между прочимъ: „Все дѣло было столь ничтожно, что болѣе походило на ребячьи шалости, чѣмъ на поступки благородныхъ офицеровъ.“

Хроника Генриха Латыша, какъ подспорье къ изученію исторіи сѣверо-западнаго края. Вильна. 1867.

Извѣстно, съ какою дерзкою настойчивостію польскіе писатели искажали и продолжаютъ искажать историческую истину во всемъ томъ, что касается исторіи сѣверо-западной половины Россіи. Не обращая вниманія на неопровержимыя свидѣтельства лѣтописей русскихъ, они усиливались посредствомъ вымысловъ и лжетолкованія фактовъ порвать всякую связь, и историческую, и религиозную, между Русью западною и Русью восточною. Дерзость ихъ въ этомъ отношеніи доходила до послѣднихъ предѣловъ возможнаго: напримѣръ, бывший профессоръ харьковскаго университета, Игнатій Даниловичъ, издавая (въ 1827 г. въ Вильнѣ) „Лѣтописца Литвы“ и „Хронику русскую“, по Супрасльской рукописи, *начерталъ русскую рѣчь польско-латинскими шрифтами!*... И лжеученіе подобныхъ Даниловичу ревнителей польскаго дѣла въ исконномъ русскомъ краѣ, ихъ проповѣдь о древности и первенствѣ латинства и польскаго элемента въ сѣверо-западной Россіи принесли свои плоды: если спросить бѣлорусса-католика: кто ты?—онъ отвѣтитъ:—„я полякъ!“ или:—„сперва были поляками, а теперь русскіе“.... Чтобы возстановить историческую истину остается одинъ логическій путь: обратиться къ подлиннымъ источникамъ, опровергающимъ польское лжеученіе, т. е. къ русскимъ лѣтописямъ, которыя и гораздо древнѣе всѣхъ польскихъ сказаній, и чужды всякой политической тенденціи, потому что были писаны право-

славными иноками, не зараженными духом прозелитизма и религиозной интриги. Только на основаніи такихъ источниковъ можетъ быть воспроизведена дѣйствительная, подлинная исторія сѣверо-западной Россіи и только посредствомъ такой исторіи, если дать ей форму учебника, могутъ быть распространены и упрочены истинныя понятія о единствѣ Руси восточной и Руси западной.

Имѣя въ виду, что въ бібліотекахъ не только первоначальныхъ училищъ, но даже большинства гимназій нѣтъ полнаго собранія русскихъ лѣтописей, что приобрѣтеніе этого собранія дорого и что изданія нѣкоторыхъ лѣтописей составляютъ уже бібліографическую рѣдкость, г. Ст., дѣйствительный членъ сѣверо-западнаго отдѣла императорскаго географическаго общества, рѣшился извлечь изъ русскихъ лѣтописей всѣ извѣстія, касающіяся исторіи сѣверо-западнаго края, и составить изъ нихъ сборникъ. Мысль прекрасная, достойная сочувствія всѣхъ истинно-русскихъ людей! Подобный сборникъ, доступный по цѣнѣ всякому карману, можетъ популяризовать изученіе исторіи сѣверо-западной Россіи по ея древнѣйшимъ источникамъ и фактически обличить позднѣйшіе вымыслы, на которыхъ польскіе ученые строили эту исторію. „Хроника Генриха Латыша“ служитъ началомъ обширнаго труда, предпринимаемаго г. Ст. Напечатанная первоначально въ „Виленскомъ Вѣстникѣ“, она издана теперь отдѣльною брошюрою въ числѣ немногихъ экземпляровъ. Причины, побудившія г. Ст. начать сборникъ именно этою хроникою, уважительны: она еще менѣе русскихъ лѣтописей доступна занимающимся исторіей западной Руси, а между тѣмъ имѣетъ существенное значеніе, потому что проливаетъ свѣтъ на самое темное мѣсто въ исторіи западной Руси, именно *начало тринадцатаго вѣка*, когда изъ великаго княжества Полоцкаго рождается княжество Литовское. На этомъ-то темномъ мѣстѣ и изощряли польскіе историки свое воображеніе, стараясь порвать первоначальную связь между Русью и Литвою.

Генрихъ, по прозванію Латышъ, писавшій свою хроникю (*Origines Livoniae*) на средневѣковомъ латынскомъ языкѣ, былъ, по всей вѣроятности, второстепенное духовное лицо, взятъ въ молодыхъ лѣтахъ заложникомъ у идолопоклонниковъ-леттовъ, воспитанъ римско-католическими монахами и служилъ при литовскомъ епископѣ Альбертѣ миссіонеромъ и переводчикомъ. Повѣствованіе свое онъ начинаетъ прибытіемъ въ Ливонію

епископа Мейнгарда, около 1186 года, и обанчиваеъ повореніеъ Эзеля ливонцами въ 1227 году. О большей части событій онъ говоритъ какъ современный свидѣтель.

Хроника Генриха Латыша не лишена интереса и въ военномъ отношеніи: въ ней можно прослѣдить за упорною борьбою русскихъ съ вѣмцами, водворившимися въ Ливонію, которая съ древнѣйшихъ временъ находилась въ зависимости отъ русскихъ князей. Генрихъ Латышъ прямо говоритъ, что августинскій монахъ Мейнгардъ (первый епископъ ливонскій), прибывъ въ 1186 году въ Ливонію, *испросилъ у князя Полоцкаго*, которому коренные жители язычники платили дань, *разрешеніе* распространять между ними христіанскую вѣру и построить церковь въ деревнѣ Икесвола (Иксуль). Изъ этой же хроники можно видѣть, въ какомъ состояніи находилось военное искусство у тогдашнихъ русскихъ (новгородцевъ, псковитянъ и полочанъ) и у ливонскихъ рыцарей. Особенно любопытны подробности осады (1224) вѣмцами города Юрьева (нынѣшняго Дерпта), въ которомъ властвовалъ князь Вячко, получившій какъ самый городъ, такъ и окрестную страну въ удѣлъ отъ новгородцевъ и не хотѣвшій подчиниться вѣмцамъ-рыцарямъ. Лѣтописецъ перечисляетъ разнообразныя машины, употребленныя вѣмцами при осадѣ, въ томъ числѣ и о *гулай-городѣ*, т. е. подвижной деревянной башнѣ, равной высотой осажденному городу. Эти „гулай-города“ употреблялись, впрочемъ, и въ полевыхъ сраженіяхъ: ихъ двигали на телѣжныхъ ходахъ или на саняхъ передъ наступающею ратью.

Задунайскіе и адриатическіе славяне. *Очерки статистическіе, этнографическіе и историческіе.* Викентія Макушева. Спб. 1867.

На Балканскомъ полуостровѣ готовятся грозныя и много знаменательныя событія. Быть можетъ, не далека та минута, когда орда османлы, раскинувшая свои шатры на поэтическихъ берегахъ Босфора, должна будетъ уйти туда, откуда пришла, и уступить свое мѣсто народамъ, исповѣдующимъ христіанскую вѣру. Въ виду такихъ событій, всѣ славянскія племена, какъ главные дѣйствователи въ предстоящемъ переворотѣ, справедливо возбуждаютъ общій интересъ; но, конечно, ни въ комъ не могутъ славяне, живущіе въ Европейской Турціи, возбуждать такого сильнаго сочувствія, какъ въ насъ,

русскихъ, своихъ единоплеменникахъ и единовѣрцахъ. Надобно однакожь сознаться, что большинство насъ плохо знаемо съ прошлымъ и съ настоящимъ этихъ славянъ, въ чемъ, строго говоря, нельзя и винить наше общество, если мы вспомнимъ, что на русскомъ языкѣ нѣтъ ни одного цѣльнаго труда ни по исторіи, ни по этнографіи, ни по статистикѣ славянъ. Книга подъ вышепоказаннымъ заглавіемъ также не принадлежитъ къ числу цѣльныхъ трудовъ по этому предмету; она, какъ назвалъ ее и самъ авторъ, есть только сборникъ статей о славянахъ задунайскихъ и адриатическихъ и назначается преимущественно для такихъ читателей, которые мало знакомы съ сродственными намъ сербами и болгарами. Тѣмъ не менѣе и такой сборникъ свѣдѣній, основанныхъ отчасти на личныхъ наблюденіяхъ автора, отчасти извлеченныхъ изъ рукописей и рѣдкихъ изданій, можетъ быть и полезенъ и интересенъ въ настоящую минуту. Покрайней мѣрѣ онъ можетъ дать довольно удовлетворительное общее понятіе о задунайскихъ славянахъ въ отношеніяхъ историческомъ, географическомъ и статистическомъ.

О значеніи двухъ главныхъ юго-славянскихъ племенъ, болгаровъ и сербовъ, живущихъ въ предѣлахъ такъ называемой турецкой имперіи, можно судить по ихъ численности: ихъ болѣе десяти миліоновъ (болѣе семи миліоновъ болгаръ и трехъ миліоновъ сербовъ); они составляютъ почти *два трети* населенія Европейской Турціи и *болѣе одной четвертой части* всѣхъ оттоманскихъ подданныхъ. Число же всѣхъ славянъ въ Турціи превышаетъ *одиннадцать миліоновъ*, и изъ нихъ почти двѣ трети принадлежатъ къ болгарскому племени. Эти одиннадцать миліоновъ занимаютъ пространство приблизительно въ 4,800 квадратныхъ географическихъ миль (болгары около 2,500, сербы 2,300 кв. геогр. миль), что составляетъ половину всей Европейской Турціи. Между задунайскими славянами насчитывается болѣе 800,000 магометанъ и 233,000 католиковъ; всѣ остальные суть дѣти православной церкви.

Составляя двѣ трети всего населенія Европейской Турціи, славяне въ *два съ половиною раза* многочисленнѣе румыновъ (4,300,000), въ *семь разъ* скипетаровъ (албанцевъ, 1,500,000) и въ *десять разъ* турокъ и грековъ. При такомъ численномъ превосходствѣ славяне должны были бы подчинить себѣ меньшія числомъ народности, но на дѣлѣ оказывается противное:

славянизация другихъ народовъ вѣтъ примѣра, между тѣмъ какъ на сѣверѣ славяне обрусѣли, на востокѣ отурчили, на югѣ эллинизовались. Этотъ знаменательный фактъ объясняется самымъ характеромъ славянъ, отличающихся податливостію и переничивостію, и слабымъ среди нихъ сознаниемъ идеи національности.

Къ одиннадцати милліонамъ славянъ задунайскихъ надобно прибавить около *четыре* милліоновъ ихъ братьевъ въ Австріи (болгаръ, сербовъ, словинцевъ и хорватовъ), отдѣленныхъ только Дунаемъ и краемъ Далматскихъ горъ; но надежда на союзъ съ австрійскими славянами плохая. 1,400,000 сербовъ въ Венгріи, Славоніи, Военной Границѣ и Далмаціи; 1,300,000 хорватовъ въ Хорваціи, Военной Границѣ, Крайиѣ, Истріи и Приморьи; 1,200,000 словинцевъ въ Штирії, Крайиѣ, Истріи и 20,000 болгаръ въ Банатѣ и Седмиградіи не только не образуютъ одной славянской семьи, напротивъ, разъединены историческими преданіями, вѣрчїемъ и религіей: изъ четырехъ милліоновъ этихъ славянъ, только *одинъ* съ небольшимъ милліонъ сербовъ православные; всѣ остальные римскіе католики. При томъ не слѣдуетъ забывать, что австрійское правительство, страшась пуще всего соглашенія между славянами, возбуждаетъ и поддерживаетъ между ними племенную вражду, вооружаетъ противъ нихъ мадяровъ въ Венгріи, итальянцевъ въ Истріи, румыновъ въ Банатѣ и Седмиградіи. Такимъ образомъ турецкіе сербы и болгары могутъ рассчитывать на безкорыстную поддержку только одного милліона православныхъ сербовъ, которые наименѣе подверглись „разлагающему славянскій бытъ вліянію Австріи“. Остальныхъ же трехъ милліоновъ славянъ—католиковъ турецкіе сербы и болгары должны остерегаться, какъ сторонниковъ австрійскаго правительства, издавна считающаго своею добычею Боснію и Герцеговину. Слѣдовательно, задунайскимъ славянамъ остается надежда на единую и единоплеменную Россію, которая „слишкомъ сильна и обширна, чтобы дѣйствовать изъ своекорыстныхъ видовъ, и достаточно могущественна, чтобы заставить другихъ принять во вниманіе ея годось или замолкнуть“. Надежды свои на Россію задунайскіе славяне питаютъ со временъ славныхъ войнъ царствованія Екваторины, распатавшихъ турецкое могущество; съ тѣхъ поръ и началось ихъ народное возрожденіе. Къ сожалѣнію, вся исторія сербовъ и болгаръ свидѣтельствуешь,

что государственное сближеніе между этими двумя сильнѣйшими славянскими племенами невозможно. До XIV вѣка между ними былъ явный антагонизмъ за первенство и оба народа никогда не признавали государей изъ одного дома; въ настоящее же время, помимо историческихъ преданій, сербовъ и болгаръ раздѣляютъ языкъ, бытъ и характеръ, и въ этомъ отношеніи между ними гораздо больше разницы, чѣмъ между великорусами и малорусами. Притомъ болгары слишкомъ вдвое больше сербовъ и они не захотятъ подчиниться имъ, а сербы, въ свою очередь, не подчинятся болгарамъ потому, что цѣною собственной крови завоевали свою независимость, достигли известной степени государственнаго развитія и сознаютъ свою силу. Общее дѣло—освобожденіе отъ турокъ—можетъ соединить оба народа навремя; но они немедленно раздѣлятся лишь только достигнуть цѣли.

Турція, въ предстоящей борьбѣ со своими христіанскими подданными, справедливо больше всего опасается Сербіи, которая имѣетъ уже благоустроенную и многочисленную армію, вооруженную, большею частію, усовершенствованнымъ оружіемъ, имѣетъ хорошія крѣпости, современную артилерію, и ждетъ только благопріятнаго момента, чтобы окончательно сбросить съ себя вассальную зависимость отъ султана. Починъ войны сдѣлаетъ, вѣроятно, Сербское княжество, а вслѣдъ за нимъ поднимутся черногорцы, родные братья сербовъ по происхожденію, по вѣрѣ и по языку.

Авторъ сообщаетъ, по личнымъ наблюденіямъ, интересныя свѣдѣнія объ этомъ воинственномъ племени, о нынѣшнемъ князѣ Николаѣ и вообще о современномъ состояніи Черной Горы. Много переживъ совершилось здѣсь съ тѣхъ поръ, какъ, по смерти владыки Петра II (1830—1851), Черногорія перестала быть духовно-военною республикой и какъ преемникъ послѣдняго владыки, Данилъ I (1852—1860), не захотѣлъ быть монахомъ, вступилъ въ бракъ и сталъ титуловаться княземъ. Всѣ прежніе владыки черногорскіе были преданы Россіи, руководились ея совѣтами въ своихъ отношеніяхъ къ туркамъ; Россіи была обязана Черногорія охраною своей независимости; первый же князь черногорскій сталъ заискивать покровительства у Франціи и послалъ племянника своего, Николая Нѣгоша (нынѣшняго князя) на воспитаніе въ Парижъ, вмѣстѣ съ вѣсколькими другими черногорцами. Здѣсь молодые люди, вы-

учившись кое-какъ боятся по-французски, узнавъ слегка исторію и географію Франціи—потому что французское правительство не находило нужнымъ обучать ихъ чему-либо другому—познакомились, въ то же время, и съ парижскою жизнью... Послѣ двухъ-трехъ лѣтъ пребыванія въ Парижѣ, Николай Петровичъ Нѣгошъ вернулся въ Цетинье, и когда дядя его былъ измѣннически убитъ въ Которѣ, вступилъ въ управленіе Черною Горюю. Авторъ выражаетъ мнѣніе, что если бы не преждевременная смерть князя Даниила, то изъ нынѣшняго правителя Черногоріи вышелъ бы иной человѣкъ: въ немъ были задатки, обѣщавшіе много въ будущемъ; но ихъ развитіе было остановлено слишкомъ круто. Князь Николай, только-что оставившій школьную скамью и еще носившійся мыслями въ Парижѣ, вовсе не приготовленный къ серьезнымъ занятіямъ правителя, неожиданно увидѣлъ себя владѣтельною особою (въ дѣтствѣ онъ пасъ нозъ и бѣгалъ босикомъ въ рубахѣ), преданъ сладостному ничегу недѣланію—*far niente*—началъ вести парижскій образъ жизни, а дѣла передалъ своему отцу. Теперь онъ находится подъ вліяніемъ тетки своей, вдовствующей княгини Дариньки (Дарьи), дочери триестскаго купца, ревностной чительницы всего французскаго... Неудивительно, что отношенія къ Россіи должны были измѣниться со стороны тѣхъ, которые чаяли и чаютъ великихъ милостей отъ Тюльерн. Въ прежнее время, всякій русскій путешественникъ всегда былъ желаннымъ гостемъ въ Цетиньѣ; теперь не то: авторъ рассказываетъ, что, года три тому назадъ, одинъ молодой богатый русскій князь пріѣзжалъ въ Черногорію, прожилъ нѣсколько дней въ Цетиньѣ и только передъ отъѣздомъ могъ добиться аудіенціи у князя Николая, который, подъ предлогомъ важныхъ занятій (упражненій въ фотографіи и въ пусканіи фейерверковъ), отказывался принять его. А между тѣмъ французскіе, австрійскіе и англійскіе шпіоны были принимаемы съ почестями....

Но это только въ Цетиньѣ, при крошечномъ княжескомъ дворѣ, устроенномъ на французскій ладъ вдовствующею княгинею Даринькою. Собственно народъ, черногорцы, не измѣнили своихъ чувствъ къ Россіи, остались относительно насъ такими же, какими были при Петрѣ Великомъ, когда мы завязали съ ними первыя сношенія. И теперь черногорецъ подозрительно смотритъ на иновѣрцевъ и на чужеплеменниковъ,

не вѣрять ихъ льстивымъ обѣщаніямъ, не раскрываетъ предъ ними своей души; всю свою надежду онъ возлагаетъ на родственнаго ему по вѣрѣ и по языку русскаго Царя; онъ убѣжденъ, что безъ помощи и защиты православнаго русскаго государя всѣ христіане на Востоку давно уже бы потурчилились. „Если бы не было Россіи, не было бы и трехперстнаго креста“, говоритъ черногорець. Чуждый политики, не зная тайнъ своего правительства, черногорець увѣренъ, что и нынѣшній *господарь*, подобно своимъ предкамъ, не предпринимаетъ ничего безъ совѣта съ русскимъ Царемъ, который, по словамъ народной сербской пѣсни, такъ же любитъ братьевъ—черногорцевъ, какъ и своихъ подданныхъ: чего бы только ни пожелали черногорцы, Царь русскій все для нихъ сдѣлаетъ, и если что случится не по ихъ желанію, они слагаютъ вину или на *слугъ царскіихъ* (министровъ), или на иновѣрческихъ государей, на которыхъ смотрятъ какъ на наемниковъ султана. „Если бы не англичане, русскій Царь давно бы освободилъ христіанъ изъ-подъ власти турокъ и прогналъ бы султана изъ Стамбула“, говаривали автору черногорцы, намекая на крымскую войну. По понятіямъ черногорцевъ и сербовъ, отразившимся въ ихъ пѣсняхъ, *Россія сильнѣе всей Европы*; въ императорѣ Николаѣ Павловичѣ они видятъ идеалъ русскаго царя и память о немъ уже увѣковѣчена въ народной поэзіи. У императора Николая, говоритъ пѣсня, сложенная по случаю войны 1828 года, былъ миллионъ солдатъ и онъ послалъ султану Махмуду грозную грамоту, вызывая турокъ на бой за угнетѣнныхъ христіанъ. Когда султанъ прочиталъ эту грамоту, то такъ испугался, что его стада трясти лихорадка. Царь писалъ султану:

„Послушай меня, Султанъ—Отмановичъ!
 Вотъ уже цѣлыхъ три года,
 Какъ скончался мой братъ,
 Скончался и передалъ мнѣ корону.
 Жалобы отвсюду мнѣ надѣли:
 Отъ Сербіи и отъ Болгаріи,
 Валахіи и Молдавіи,
 Отъ всей Греціи и Анатолиі;
 Все это плачется предо мной непрестанно
 На проклятыхъ турокъ—гонителей,
 Отъ которыхъ житья имъ нѣтъ:
 Ты все это видишь и ни о чемъ не думаешь.“

Созвавъ визирей и пашей на совѣтъ и собравъ войско со всей Турціи, султанъ отвѣчалъ:

„Ты вызываешь меня на бой;
 На это отвѣчаю тебѣ, царь:
 Если тебя родила православная
 И если ты почтенный московъ
 И правнукъ Петра усатаго,
 То приходи на богатырскій бой
 Подъ бѣлой Варной, на равнинѣ.
 Теперь, клянуся, хочу засвидѣтельствовать
 Твоею смертію—смерть короля Владислава,
 И подъ Варною вырою тебѣ могилу,
 На могилѣ поставлю мечеть и минареты.
 Но довольно говорить: выходи на бой
 Со всею силою земли московской
 На край поля широкаго,
 Гдѣ мы, царь, прежде всего встрѣтимся.
 Если же ты не придешь подъ Варну,
 Я приду къ твоему городу Петербургу.“

Пѣсня прибавляетъ, что Царь, получивъ это посланіе, *громко разсмѣялся* и двинулъ войска за Дунай и въ Азію. Дальше въ пѣснѣ говорится о разбитіи турокъ подъ Варною, о разрушеніи этой крѣпости и объ отсылкѣ плѣннаго Юсуфа-паши со всѣми *арапами* въ Петербургъ.

Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ говорится о Кутузовѣ, о Сенавинѣ, о Дибичѣ и о Паскевичѣ. Солдатъ нашихъ сербскія пѣсни называютъ обыкновенно „смертоносными“ (*убойни*); казакамъ придается эпитетъ „доблестныхъ“ (*ерли*) и „отчаяннѣйшихъ храбрецовъ“, и имъ особенно сочувствуетъ какъ черногорецъ, такъ и сербъ. Храбрость нашего войска вошла въ поговорку: „московъ одъ москова“ равносильно у черногорца „юнакъ одъ юнака“ (храбрый изъ храбрыхъ).

По словамъ автора, въ послѣдніе два года, черногорское правительство, по примѣру сербскаго, стало заботиться о народномъ просвѣщеніи и объ организаціи военныхъ силъ. Недавняя война съ турками доказала черногорцамъ, что, со введеніемъ въ турецкую армію усовершенствованнаго огнестрѣльнаго оружія, старинное ихъ вооруженіе болѣе служить не можетъ, и потому князь Николай постарался получить изъ Австріи штуцера. Нѣтъ сомнѣнія, что современемъ черногорцы будутъ стрѣлять и изъ ружей, заряжающихся съ казны.

A l'armée française en 1867. *Klammern critique d'une récente brochure par Ch. Lyauté, intendant militaire du cadre de réserve etc. (Французской армии въ 1867 году. Критическій разборъ недавно появившейся брошюры, написанный Ш. Лиотей, военнымъ интендантомъ резервнаго кадра и проч. Парижъ, 1867.)*

Престарѣлый авторъ этой брошюры, давно уже оставившій, по его словамъ, дѣйствительную службу и доживающій дни въ сельскомъ уединеніи, очень недоволенъ отзывами генерала Трошию о недостаткахъ французской армии. По его мнѣнію, генераль Трошию, обнаруживавъ свой отзывъ, сдѣлалъ одну изъ тѣхъ ошибокъ, каковую только могутъ сдѣлать люди умные и даровитые—ошибку полную, безусловно-полную. Почтенный интендантъ не знаетъ даже ничего, что могло бы извинить обнаруженіе такой анти-французской книжки, унижающей и французскую націю и французскую армию, и торжественно заявляетъ, что самъ онъ считаетъ гордостію „принадлежать къ первой націи въ мірѣ и думать, что французская армія есть первая армія въ мірѣ.“ Вслѣдъ за тѣмъ военный интендантъ приступаетъ къ разбору брошюры генерала Трошию, старается опровергнуть рѣшительно всѣ его слова и, въ концѣ концовъ, опять приходитъ къ выводу, что во французской арміи нѣтъ никакихъ недостатковъ, что все подмѣченное въ ней нехорошаго опытнымъ генераломъ — чистая иллюзія и что Трошию поступилъ въ этомъ случаѣ не такъ, какъ слѣдовало бы поступить горячему патриоту и бонапартисту.

Съ своей точки зрѣнія военный интендантъ правъ: онъ понимаетъ патриотизмъ въ смыслѣ безусловной похвалы и сокрытія всего нестощаго похвалы, а генераль Трошию думаетъ, что именно изъ любви къ отечеству и не слѣдуетъ замиуриваться и убаюкивать себя пѣсней: все обстоитъ благополучно!

Geschichte der alten Russischen Heeres-Einrichtungen von den frühesten Zeiten bis zu den von Peter dem Grossen gemachten Veränderungen. Von Brix, Rittmeister und Escadronchef im Königl. Preuss. Ulanen-Regiment № 15. (Исторія старинныхъ русскихъ войсковыхъ учрежденій, отъ древнѣйшихъ временъ до преобразованій Петра Великаго. Соч. Брикса, ротмистра и эскадроннаго командира въ прусскомъ уланскомъ № 15 полку. Берлинъ, 1867).

Съ уваженіемъ встрѣчаемъ трудъ прусскаго офицера, избравшаго предметомъ своей литературной дѣятельности нашу армію, чтобы ознакомить съ нею своихъ соотечественниковъ. Еще въ 1863 году Бриксъ издалъ книгу погь заглавіемъ „Die Russische Armée am 1 Januar 1863“ (Русская армія къ 1-му января 1863 г.); нынѣ обнародованный имъ новый трудъ, заключающій въ себѣ около сорока печатныхъ листовъ въ большую осьмушку, долженъ быть, по сущей справедливости, названъ трудомъ капитальнымъ, обработаннымъ умно и съ большою добросовѣстностію—качество чрезвычайно рѣдкое въ иностранцахъ, пишущихъ о Россіи. Авторъ употребилъ на свои изслѣдованія о нашихъ войсковыхъ учрежденіяхъ до Петра Великаго не менѣе *тринадцати лѣтъ* усиленныхъ занятій и долженъ былъ, какъ онъ самъ сознается, преодолѣть много всякаго рода затрудненій. Прежде всего ему надлежало усвоить себѣ нашъ языкъ, трудный для западнаго европейца, чтобы быть въ состояніи пользоваться подлинными источниками; затѣмъ должно было открыть эти источники въ архивахъ и бібліотекахъ, подвергнуть критической обработкѣ тѣ изъ нихъ, которые того требовали, и привести ихъ въ систематическій порядокъ; наконецъ, автору пришлось изучать старинный языкъ нашихъ лѣтописей, что, какъ онъ говоритъ, было для него, иноземца, почти равносильно изученію новаго языка. Если прибавить ко всему этому, что и на русскомъ языкѣ нѣтъ полнаго трактата о предметѣ, избранномъ ротмистромъ Бриксомъ, которымъ бы онъ могъ воспользоваться какъ руководствомъ, то будетъ понятно, почему авторъ употребилъ столько времени и усилій на предварительныя изслѣдованія и занятія и на окончательную отдѣлку своего строго-историческаго труда.

Самый списокъ источниковъ, положенныхъ въ основу этого труда, свидѣтельствуетъ не только о томъ, какъ серьезно отнесся авторъ къ своей задачѣ, но и объ умѣнъ его сдѣлать выборъ источниковъ. Первоначальными матеріалами служили ему: всѣ изданія бывшей археографической экспедиціи академіи наукъ и нынѣшней археографической комисіи, собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, „Разрядныя Книги“ и „Полное Собраніе Законовъ“ (томы I—IV). Кромѣ того онъ пользовался военно-историческими трудами: Висковатова („Историческое описаніе одежды и вооруженія русскихъ войскъ“), Савельева („Матеріалы для исторіи инженернаго искусства въ

Россіи“), Гербеля („Изюмскій Слободскій Казачій полкъ“), Бялзева („О русскомъ войскѣ при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и послѣ него“), Устрялова („Русское войско до Петра Великаго“), „Исторіей“ Карамзина, матеріалами для географіи и статистики Россіи, собранными офицерами генеральнаго штаба, („Земли Войска Донскаго“, описанная штабсъ-капитаномъ Красновымъ) и извѣстнымъ современнымъ мемуаромъ Котошикина (Кошикина) о Россіи при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Статьи въ нашихъ военныхъ періодическихъ изданіяхъ также не укрылись отъ вниманія любознательнаго автора: все, что было помѣщено въ „Военномъ Журналѣ“, въ „Военномъ Сборникѣ“ въ „Артилерійскомъ Журналѣ“ по исторіи военнаго дѣла въ допетровской Руси, всѣмъ этимъ онъ умѣлъ воспользоваться съ знаніемъ дѣла. Кромѣ русскихъ источниковъ показано еще на иностранныхъ языкахъ нѣсколько книгъ, напечатанныхъ большею частію въ прошломъ столѣтіи, отчасти въ Россіи (въ Москвѣ и въ Ригѣ), отчасти въ другихъ государствахъ. Между русскими источниками недостаетъ только недавно изданнаго классическаго труда генерала Ласковскаго: „Матеріалы для исторіи инженернаго искусства въ Россіи“, вѣроятно потому, что книга эта еще не успѣла попасть въ Берлинъ.

Книга раздѣлена на два главные отдѣла: первый отъ древнѣйшихъ временъ до царя Михаила Ѳеодоровича, второй отъ этого царя до реформъ Петра Великаго. Въ концѣ помѣщено 12 нумеровъ приложений.

Мы уже упомянули, что предметъ разработанъ авторомъ съ примѣрною тщательностію и съ безпристрастіемъ. Не довольствуясь перечисленіемъ источниковъ въ началѣ книги, авторъ въ низу каждой страницы дѣлаетъ ссылки на матеріалы, служившіе ему руководствомъ, и тѣмъ даетъ каждому возможность провѣрить его слова. Если бы подобный военно-историческій трудъ появился на русскомъ языкѣ, то занялъ бы почетное мѣсто въ нашей литературѣ и пополнилъ бы собою слишкомъ замѣтный пробѣлъ въ ней по исторіи военнаго дѣла въ допетровской Россіи. Употребляемъ слово „пробѣлъ“ въ томъ смыслѣ, что до сихъ поръ у насъ никто не напалъ на мысль воспользоваться нашими родными матеріалами для составленія такого систематическаго сборника, какой издалъ теперь, на нѣмецкомъ языкѣ, г. Вриксъ. Въ отдѣльныхъ же трактатахъ, какъ мы видѣли, у насъ недостатка нѣтъ. Правда

и то, что прусскій офицеръ, пожертвовавъ тринадцатью годами жизни на утомительныя изслѣдованія о судьбахъ илюстральной арміи въ давно-минувшія времена, зналъ, для какого общества военныхъ онъ трудился, зналъ, что его трудъ будетъ оцененъ по достоинству и не пропадетъ безслѣдно. Кто же изъ нашихъ военныхъ писателей заручится подобными гарантіями? Кто позволитъ себѣ увлечься мыслию, что умственная работа, поглотившая болѣе десятка лѣтъ жизни, не будетъ встрѣчена равнодушіемъ тѣхъ, для кого она была предпринята? А нашлись бы и у насъ люди, способные выполнить то, что выполнилъ прусскій офицеръ. Возьмемъ для примѣра хотя статьи, помѣщенные въ нашихъ военныхъ журналахъ. Нѣмецкій авторъ оцѣнилъ ихъ, воспользовался ими какъ добрымъ матеріаломъ, а какую оцѣнку нашли эти статьи въ большинствѣ нашихъ военныхъ кружковъ?... И оправдывается ежедневно вѣковая истина: „въ домѣ своемъ пророкомъ никто не бывалъ....“ Вотъ тому самый свѣжій примѣръ: полковникъ Лееръ помѣстилъ въ „Военномъ Сборникѣ“ рядъ статей, посвященныхъ современному состоянію стратегіи. Австрійскій генеральный штабъ отнесся въ редакцію съ просьбою: дозволить перевести эти статьи на нѣмецкій языкъ для одного изъ военныхъ журналовъ, издаваемыхъ въ Вѣнѣ.... А у насъ многіе ли дали должную оцѣнку статьямъ полковника Леера?...

Предисловіе къ своей книгѣ г. Бриксъ заключаетъ слѣдующими словами: „Пусть трудъ, изображающій былыя судьбы русской арміи, послужитъ ей свидѣтельствомъ, что тотъ союзъ, который былъ заключенъ (между русскими и пруссаками) во дни общихъ невагодъ и общаго торжества, скрѣпленъ на боевомъ полѣ, запечатлѣнъ совокупно-пролитой кровію, освященъ взаимнымъ уваженіемъ и дружбою обонихъ державныхъ предводителей, что этотъ союзъ и донинѣ существуетъ ненарушимо. Да встрѣтитъ же онъ и впредь, до отдаленнѣйшихъ временъ, всякія бури, и да восторжествуетъ надъ ними ко благу всѣхъ и каждаго.“

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗВѢСТІЕ.

Французское военно-уголовное судоустройство считается образцовымъ въ западной Европѣ. Съ нимъ, въ нѣкоторыхъ

частяхъ, имѣеть сходство нашъ военно-судебный уставъ, и это обстоятельство еще болѣе усиливаетъ интересъ ближайшаго знакомства съ военно-уголовными законами Франціи. Появившееся недавно въ Парижѣ обширное сочиненіе Дюмена: „Conferences du droit pénal et d'instruction criminelle militaire“, представляетъ довольно полную юридическую энциклопедію для французскихъ офицеровъ, такъ какъ, кромѣ изложенія главныхъ основаній уголовного права и французскихъ военно-уголовныхъ законовъ, значительная часть ея посвящена теоріи права вообще и главнѣйшихъ его подраздѣленій. Изъ этой-то книги г. Сорокинъ перевелъ тѣ части, которыя наиболѣе могутъ удовлетворить первымъ потребностямъ возникающаго у насъ военно-юридическаго образованія, и теперь издалъ *изложеніе французскаго военно-уголовнаго судоустройства*, съ историческимъ очеркомъ его развитія. Второй выпускъ долженъ заключать въ себѣ *изложеніе слѣдственнаго процесса*, причѣмъ главное вниманіе будетъ обращено на дѣятельность военныхъ слѣдователей и обвинительной власти (военныхъ прокуроровъ), т. е. на такіе вопросы, которые преимущественно могутъ быть полезны, на первое время, нашимъ военнымъ криминалистамъ. Въ третьемъ выпускѣ предполагается изложить *теорію уголовнаго права*, въ примѣненіи къ военно-уголовнымъ законамъ.

При совершенномъ у насъ недостаткѣ руководствъ собственно по военно-уголовному праву и при настоятельной въ нихъ необходимости именно теперь, когда, со введеніемъ военно-судебной реформы, юридическая подготовка нашихъ офицеровъ, призванныхъ къ ея осуществленію, является неперемѣннымъ условіемъ и ея успѣшности, обращаемъ вниманіе на предпринятый г. Сорокинымъ трудъ, подъ общимъ заглавіемъ „Военно-уголовные законы Франціи“. Первый выпускъ этого труда, посвященный *судоустройству и подсудности*, продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ, въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ, по 75 копѣекъ за экземпляръ.